
САША...

Днепропетровская
Областная
Научная
Библиотека

САША...

Сборник воспоминаний и документов

Днепропетровск
2004

Жить хорошо, а умирать все равно придется.
И тогда лучше хорошо умереть, чем плохо жить.
Дневник. 1993г.

Этот сборник — лишь попытка запечатлеть изменчивую память, попытка остановить разрушительный для нас ход времени.

Собирая по крупицам материал, мы желали одного: чтобы вы, открыв сборник, вновь удивились богатству и красоте души человека, который так недолго был рядом с нами.

Могли ли мы тогда требовать от него вынести на наш суд свою сокровенную сущность? Да и возможно ли такое откровение? Но теперь было бы несправедливо опустить в небытие те плоды душевного труда, в котором Личность проводит всю свою жизнь. Публикуя сегодня малую толику Сашиных дневников, мы надеемся тем принести пользу и вашим сердцам.

Три года прошло с тех пор, как мы расстались с Сашей... Много ли это? Для тех, кто имел счастье общения с ним, он навсегда останется в памяти. Но с течением времени образы ушедших от нас блекнут в сердцах, и лишь любовь сильна избавить от вечного мрака забвения. Этот сборник — приношение любви, приношение вашей памяти. Памяти о Саше...

Составители

Слава тебе, безысходная боль!
Умер вчера сероглазый король.
(...)
Знаешь, с охоты его принесли,
Тело у старого дуба нашли.
Жаль королеву. Такой молодой!..
За ночь одну она стала седой.
(...)
А за окном шелестят тополя:
«Нет на земле твоего короля...»

А. Ахматова

10.01.2001

Сегодня Саше девять дней. Идет дождь, как и тогда.

Мне очень тяжело писать...

Как выразить, как рассказать, что я чувствую? Этого никто не понимает, спрашивают удивленно: что случилось? —

Что им ответить?

Кажется, у меня больше нет сердца — вместо него кровавое месиво. И все время больно. Ношу в себе эту изматывающую, вытягивающую душу боль. Но пусть лучше мне будет больно, чем ему...

Вчера впервые заплакала. Проплакала всю ночь. Теперь, как только остаюсь одна — одолевают рыдания.

Уже неделю не могу ни есть, ни спать. Если вздремлю, то часа на два — не более. Все мысли о нем. Что бы я ни делала, что бы ни говорила, где бы я ни находилась — каждую минуту думаю о нем... Вокруг говорят о какой-то бытовой ерунде. Смеются, обсуждают глупые житейские мелочи. Конечно, жизнь продолжается. Но я не могу жить, как прежде, меня тяготит общество случайных людей. Я все время себе твержу: не о том нужно теперь говорить, не то надо делать...

Хочется кричать и плакать...

Иду и думаю: по этой лестнице он ходил, этой дверной ручки он тоже касался рукой, по этим перилам скользила его ладонь... Проспект Кирова — он тоже его помнит. Здесь я когда-то с ним столкнулась, и он был одет так-то и так-то. Странно, когда мы с ним случайно где-нибудь встречались, я, завидев его, нарочно старалась выглядеть много хуже, чем есть на самом деле. Наверное, оттого, что понимала: ничего, по-настоящему хорошего, во мне нет.

Я относилась и отношусь к нему с большим пиететом, никогда не считала для себя возможным сказать ему ты — всегда обращалась на Вы.

Компьютеры и все, что с ними связано, теперь, наверное, будут ассоциироваться только с ним.

И так — повсюду.

Работаю — (по необходимости, рефлекторно) — с какой-то истерической энергией, но заканчивается тем, что начисто теряю нить разговора или последовательности действий.

Первый раз подняться на третий этаж было мучительно страшно. Когда шла по лестнице, сказала: «Давай договоримся, ты вышел и скоро вернешься, ладно?» Рабочее место пустует, кресло чуть повернуто к двери: действительно, только вышел. Понять все по-другому — выше моих сил...

Гляжу на компьютеры в кабинетах, думаю: ведь они все заработаны его умом. Уже сегодня на возникающие вопросы и проблемы говорят:

- Еще несколько дней назад я сказал бы: «Звони Саше», - а теперь не знаю, что делать...

Может быть, повторюсь, но хочу рассказать, что особенно помню

Во-первых, я никогда не имела случая и таланта говорить с ним; всегда было неловко его разглядывать. Помню фигуру, волосы, особенно руки - длинные пальцы на клавиатуре. Это все.

Во-вторых не будет.

Рассказываю о вспышках.

Т.А., стоя у гроба, все гладила Сашеньку по волосам, как ребенка, словно он был тяжело болен и его пришли навестить. Кажется, она говорила: потерпи, милый, что же делать — это этикет. А сестра ласково погладила его по щеке и так заботливо укутала погребальным покрывалом, будто одеялом. Мне показалось: они только что напоили его теплым молоком и уверены, что завтра он будет совершенно здоров.

Т.А. все клонилась на плечо мужа. А он, когда вынесли гроб, крикнул: «Сын!» - бросился к нему и пошатнулся, теряя сознание.

Сашеньку оттевали. Волосы ему приподняли со лба и прикрыли венчиком. Был сильный ветер. Когда гроб подняли и понесли, порыв ветра сорвал с одной стороны венчик и разметал пряди. Меня сильно поразил вид светло-русых прядей волос, бьющихся над обшивкой гроба.

Написала в какой-то прострации. Не верьте, это я не о нем. Это пересказ... да просто мои фантазии, когда в любой момент можно сказать: погодите, что-то мне здесь не нравится, сейчас я вам по-другому расскажу... Я не верю, не понимаю, не сознаю, что это все — о нем. Нет! Здесь в моем сознании стоит стена. Никогда не подпущу себя к ней. Я еще не сошла с ума лишь потому, что держусь от нее подальше.

Понимаю, что все это напоминает истерику, но сейчас совершилось нечто вроде частной реабилитации: впервые я могу вынуть душу, разлядеть ее и выжать весь ужас, все отчаяние, что скопилось в ней. Хотя... особо рассматривать там нечего: за эти дни от моей души остались одни клочья.

Окружающие стараются увещевать меня. Я и сама все отлично понимаю. Разумом понимаю. Но боль... Она всегда во мне. Я могу пачками пить успокоительное, становлюсь заторможенной. Но мне больно! Меня словно разрывает изнутри. Разум не может справиться с этой болью.

Так не должно было быть.

Мучительно жду и ищу его взглядом на лестнице, в кабинете, за каждым поворотом. Когда по ночам впадаю в дремоту, то колочу в неведомые огромные двери, за которыми находится Некто Всемогущий, кричу: «Это жестоко! Вы не можете так поступить со мной! Я ведь прошу немногого». Немногого: я всей душой желаю, идя по библиотечной лестнице, поднять глаза и, увидев, что он спускается навстречу, поздороваться с ним. Больше ничего! Такая встреча всегда была радостью. И меня не интересует, что это невозможно. Я всегда буду идти по лестнице с надеждой.

***

Было сказано девушкой с грустным лицом:
«Человек молодой и талантливый умер».
Это снежный, сорвавшийся под гору ком.
Это в трубке прервавшийся зуммер.

Это ненависть чья-то, обида и месть.
Или чья-то любовь все плохое покрыла.
Как он жил? Как он умер? Что создал? Бог весть.
Это двадцать четыре пробило.

Это стукнуло в дверь по четыре шесть раз,
Простучать двадцать пять не положено, значит.
Это глупая пошлость жалеющих фраз.
Это мама, которая плачет.

Что случится потом? Помолись и поверь.
По преданью, как молятся, так и бывает.
Открывается плотно закрытая дверь.
Это душу Господь принимает.

Дэя Тененбаум

Павел Флоренский,
священник, философ,
ученый, инженер

Философия имени

Александр — самое гармоничное имя, имя великих людей, но становящееся претензией, если нет сил заполнить ее надлежащим содержанием (...). Это имя соответствует сангвиническому темпераменту с уклоном к холерическому. Благородство, открытость настроения, легкость обращения с людьми характерны для этого имени; легкость, хотя и не поверхностность. К признакам имени относятся также сердечность и доброта. В отношении к женщинам — предупредительность и любезность. Ум Александров четкий и трезвый, слегка проницательный, быстр и многосторонен.

Александр хочет быть микрокосмом и когда получает достаточный питательный материал для оформления, то становится таковым: гений (...).

Александры могут быть очень щедры и великодушны, они могут без оглядки жертвовать своим. Живые и веселые с поверхности, внутри они имеют струйку пессимизма. Несмотря на успехи, несмотря на всеобщее признание, они не удовлетворены.

1993г.

***

Такую короткую, но такую яркую жизнь суждено прожить далеко не каждому. Наверно, только избранным на Небесах. Саша прожил именно такую Жизнь.

Очень скромно, ненавязчиво Саша убедил всех, что будущее библиотеки нужно начинать строить сегодня. Компьютеризация поможет решить многие, ранее неразрешимые проблемы: не раз это было доказано. За тот короткий срок, когда Саша возглавлял компьютеризацию, библиотека совершила огромный скачок вперед — и все, благодаря Сашиному необыкновенному трудолюбию.

Рабочий день у него длился столько, сколько было необходимо для завершения поставленной на сегодня задачи.

И главное: Саша любил библиотеку, глубоко уважал людей, с которыми работал. Ведь он сам говорил: «Я вырос в библиотеке». Так оно и было. Мы все очень любили Сашу. Это был НАШ ребенок. Когда случилось непоправимое, все восприняли его гибель, как личное горе, верить в которое не хочется до сих пор.

Не могу забыть его голос... Помню, когда при назначении его на должность, я обратилась к нему по имени-отчеству, он улыбнулся и спросил: «Надежда Николаевна, а можно просто — Саша».

Саша все хотел обучить меня работе на компьютере, но, как всегда, у директора катастрофически не хватало времени. Я думала, что впереди — целая жизнь, и я еще успею взять уроки. Судьба распорядилась иначе — не успела...

Сердце щемит от того, что оборвалась жизнь такого умного, талантливого, редкого по своим достоинствам и воспитанию человека. И эта боль навсегда...

Надежда Николаевна Титова,
директор библиотеки

1996г.,

1999 год из рабочей тетради.

Если говорить по существу – то у нас стало компьютеров больше и они стали лучше.

Конкретнее – за счет подписки были приобретены 2 компьютера P200 MMX, потом еще два Пентиум два.

Нет, не умею я писать отчеты. Особенно «простым и в то же время технически грамотным» языком. Либо простым, либо грамотным, либо писать. А главное, неясно – о чем же писать-то? О том, что компов стало больше почти в три раза?
Что сеть восстановили? Так ведь эти компы задач никаких существенных не выполняют. На новую базу так и не перешли до сих пор. Разве что читателям есть быстрый поиск в базе с 1992 года... Но это же мелочь. Правда, есть еще такой аспект, как издательская деятельность. Тут мы, конечно, во всей красе. Месяца не проходит, чтобы чего-нибудь не издали –

бюллетени, информационные листки, брошюры различного содержания, альманахи, ежегодники...

Закладки, памятки, объявления, заголовки – это будни, текучка, так сказать. Ну и конечно большой плюс – все внутренние бланки делаем сами. Но это не столько благодаря компьютерам, сколько ризографу.

А, Интернет у нас еще есть. Хорошая штука, только дорого стоит и себя пока что не оправдывает. А так ничего, интересно.

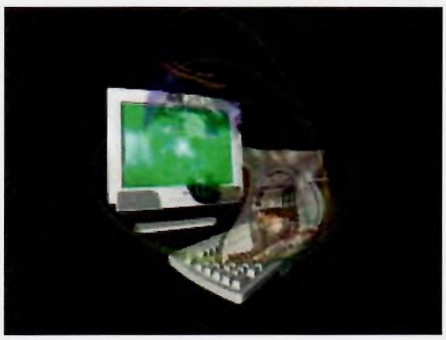
Локальная сеть наша – это скорее игрушка, баловство, чем насущная необходимость – картинки туда-сюда поскачивать, файлов парочку перекинуть, еще чего-нибудь там... А серьезной работы нет пока.

Что еще? Есть у нас компьютеры на других зданиях – на Клочко, на Карла Маркса (4 штуки), на Комсомольской.

Кое-где с принтерами, а скоро принтеры будут везде. Все это позволяет им, далеким от нас зданиям, не скучать, проводя время за компьютером.

Так что же записать – то в достижения?

1. Компов стало больше, они стали лучше
2. Внедряем новую базу данных
3. Ведем новую базу данных
4. Интегрируем ресурсы различных отделов
5. Поддерживаем в рабочем состоянии класс Internet
6. Планируем создание собственного Web - узла.
7. У нас есть свой компьютерный клуб.

президент, правительство ...
← ГОСАДМИНИСТРАЦИЯ
бюджетное финансирование
книгохранилище
обл. администрация
ОЛИМП
мысли
дым из трубы
выделенная линия
удалённое здание
изба-читальня
человек
забор
доставка литературы
книги
источник питания
удлинитель
удалённый доступ
АРМ
комплектование
обработка
сектор учёта
20.04.2000 семинар, зал заседаний обл. адм.

Визит посла Великобритании в Украине Рональда Смита.. Июль, 2000г.

●●●

Компьютерный отдел. Саша — первый заведующий этого отдела. Взгляд скользит по комнате: Сашин компьютер, Сашина книга, Сашины компакты... Еще хранятся на нашем сервере папки с фотографиями самолетов, которые он собирал, какая-то частичка его души.

Саша сочетал в себе скромность и уверенность в себе, обаяние и временами полное отстранение от всего. Бывает, придет на работу — в глазах озорные огоньки — жди компьютерных загадок, а может быть просто сегодня у него вместо очков появились линзы. А бывает, весь день молча сидит за машиной и хмурит лоб, иногда только покачивая головой, чтобы размяться.

Очень большая ответственность лежала на таком молодом и в то же время, не по годам серьезном и трудолюбивом человеке. Он все трудности старался брать на себя.

Саша был очень аккуратен. Администрирование сети предполагает использование большого количества программ — приобретенных, взятых из Интернета. Все они были подобраны у Саши очень полно и систематизированы по направлениям. Мы и сегодня продолжаем развивать и наполнять Сашины архивы.

Он всегда много читал профессиональной литературы, стремился в работе применять самое новое. С именем Саши связаны стремительное развитие компьютерной сети, создание Интернет — центра, использование новых технологий в библиотечных мероприятиях. Когда Саша пришел в библиотеку, в сеть было объединено пять компьютеров. Он сам проложил кабель по всем этажам помещения на Ю.Савченко,10. Организовал транзиты еще к трем удаленным зданиям библиотеки, чтобы создать корпоративную сеть ДОУНБ. Помню первое радостное сообщение по сети из отдела периодики: «Анна Яковлевна, есть связь! Саша». Но чем больше расстояние, тем проблемнее работает техника. Связь с другими зданиями все никак не удавалась. Хронически не хватало времени. Саша часто задерживался на работе допоздна: новые идеи, все хочется успеть...

Создание сайта библиотеки — и не просто где-то у провайдеров, что было бы проще, не за деньги, а своими силами, своими знаниями, - в библиотеке, на своих машинах поднимается веб-сервер, создается сайт.

Саша хотел видеть библиотеку современной и вкладывал свои незаурядные знания в ее развитие. Был неравнодушен во всем.

Саша прожил короткую, но полную, богатую жизнь. Память о Саше навсегда останется в моем сердце.

Анна Яковлевна Крупий,
зав. отделом компьютеризации

Курск, 2000г.

22.05.98. В словах нет правды. Правдивы только поступки. Сказать можно что угодно, а сделать – нет. На поступок, тем более правдивый, нужно иметь смелость и решительность преодолеть свой страх до конца.

О Саше

Первая моя встреча с Сашей произошла на курсах по обучению работе на компьютере. Перед глазами встает образ парня с длинными волосами, с интересным браслетом на запястье и с очень серьезным видом. В комнате были еще ребята, но меня начал обучать именно Саша. Я прекрасно помню, как он до мельчайших подробностей показывал мне наполовину разобранный компьютер и объяснял, где что находится и как оно называется. А я смотрела огромными, полными ужаса глазами и думала: «Неужели мне все это необходимо запомнить?» И когда посмотрела на Сашу, на его серьезный подход к делу — решила, что, наверное, придется. Да, меня тогда очень удивило то, что этот парень за все время, что объяснял мне задание, ни разу не улыбнулся, оставался всегда серьезен и был похож на строгого учителя. Через несколько занятий меня начал обучать другой парень. А Саше поручили кого-то иного, но мы находились в одной комнате, и я видела, что он все время сохранял серьезный вид. Я тогда еще решила, что он, наверное, практически никогда не улыбается.

А потом он начал работать у нас в библиотеке. И вот тогда я увидела совершенно другого человека, способного не только улыбаться, но и шутить; притом у него был тонкий юмор. Впервые он меня удивил, когда мы готовили какой-то вечер, по-моему — к празднику 8 Марта. У нас была первая репетиция, и я увидела, как Саша выплясывал. Признаюсь, тогда был немой шок. Представьте, у меня в памяти образ человека постоянно серьезного, молчаливого — и вдруг он начинает подпевать, подтанцовывать, шутить. Тогда я сделала для себя вывод, что первое мнение о людях не всегда бывает правильным. И вот с того момента я начала смотреть на него совершенно другими глазами. Рядом с нами на репетициях был человек, который мог войти в любой образ. Мне всегда было приятно общаться с такими людьми, способными подбросить вовремя нужную идею и помочь воплотить ее в жизнь.

Саша... В нашем отделе мы называли его именно так. Для нас в его лице был весь отдел компьютеризации. Что бы ни случилось с компьютером или принтером — мы всегда бежали к Саше.

Однажды у меня в компьютере начался сбой. Я позвала Сашу. Он говорит: «Ну, показывай, что ты делала». Я при нем повторила операции — и никаких проблем не возникло. Саша улыбнулся и вернулся к себе в отдел. Я начинаю работать — опять то же самое. Я вновь пошла к Саше. Он опять постоял рядом, посмотрел, что я делаю, - и снова никаких сбоев. Мне стало неудобно, что я будто не из-за чего дергаю его туда-сюда, и говорю ему: «Ладно, Саш, если что — я тебя позову». А он мне в ответ с такой доброй улыбкой: «Ну, а я, если что — постою».

Наша работа постоянно была связана с Сашей. Мне кажется, наш отдел был первым, кого он подключил к электронной почте, - ведь сейчас это один из самых удобных методов связи. Вот Саша и объяснял нам, как нужно работать с электронной почтой, а у нас почему-то сначала ничего не получалось. Поэтому мы тренировались, отсылая на Сашин адрес письма. Когда мы уже научились общению через электронную почту, то иногда просто отправляли друг другу весточки, например, поздравление к празднику. У нас до сих пор хранятся его послания.

Дорогие Дамы Отдела Комплектования!
От имени себя и остального мужчины нашего отдела поздравляю вас с Праздником! (с 8 Марта, международным женским днем :))
Желаю САМОГО-САМОГО лучшего всего, и чтобы побольше и подольше!!!
Будьте счастливы!!!

От имени всех — Александр Авраамов

Альбина, у тебя почта что-то не идет. Попробуй в адресе (carlos@libr.dtcom.dp.ua) убрать пробел между dt и com. Должно помочь.

Саша.

Мы с Сашей вообще довольно часто общались. Бывало, после празднования какого-нибудь общего праздника, собирались либо у нас в отделе, либо у него и

продолжали отмечать, танцевать. Мне нравилось, что он такой вот не зажатый был. Нас было всегда примерно человек шесть-семь, притом Саша был единственным из представителей мужского пола, а все остальные — женщины. Но он гармонично вписывался в нашу компанию, танцевал вместе с нами. Среди нас совершенно не замечалась разница в возрасте.

А когда-то, после посещения отделов на проспекте Карла Маркса, я вышла на улицу, чтобы идти домой, и услышала за спиной Сашин голос: «Альбина Витальевна, а куда Вы сейчас?» «Прямо, Александр Владимирович, куда глаза глядят», - ответила я. «Ну, тогда я тоже пойду с тобой». Мы шли и болтали, болтали. По дороге завернули в магазин — выбрать мне пуговицы к пальто; так вот, эти пуговицы, которые сейчас у меня на пальто, выбрал именно Саша.

Не знаю, сколько километров мы прошагали по городу, но, в конце концов, дошли до завода им. Петровского. На тот момент я уже прилично замерзла — ведь было очень холодно. Да и Саша, по-моему, тоже продрог основательно, но держался молодцом. Не знаю, почему — но я как бы почувствовала ответственность за него, что ли, поэтому, увидев станцию метро, сказала: «Так, вот сейчас ты пойдешь к метро, а я пройду на остановку трамвая». Видели бы вы его возмущенные глаза! «Нет уж. Сначала я посажу тебя на трамвай, а потом сам поеду домой», - строго ответил он мне. Вот так по-мужски ответил — и для возражений слов уже не было.

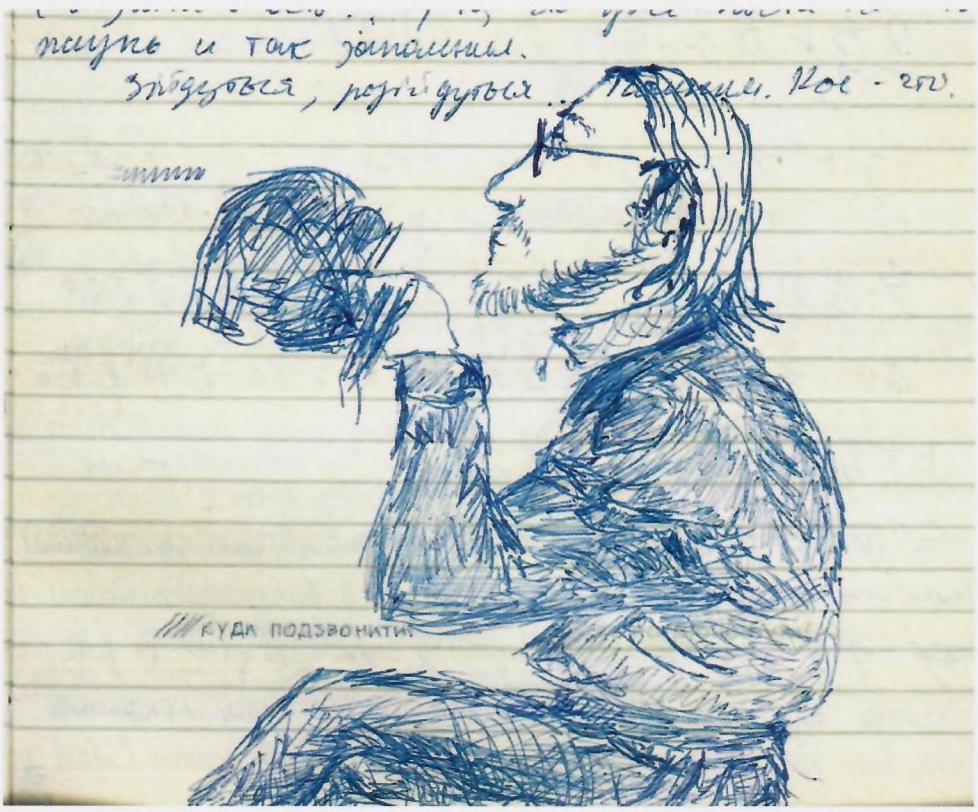
Затем была поездка в Киев. В купе поезда мы с Сашей допоздна пили пиво и рассказывали анекдоты. В общем, весело было. Мы с ним были, можно сказать, ровесники — поэтому общий язык нашли сразу.

Ну а воспоминания о последней нашей встрече просто режут по сердцу. Это было по завершении празднования в библиотеке нового года. После общего стола Саша пришел к нам в отдел с вином, и мы еще раз отметили встречу в более тесном кругу. Мы так хорошо посидели, пошутили, расспросили друг друга, кто где будет праздновать Новый год. А потом Саша ушел. И вот, когда он уже закрывал за собой дверь, я вдруг вспомнила, что не пригласила его на свой день рождения. Но Саша уже захлопнул дверь. Я тогда себя успокоила тем, что до двенадцатого января далеко ведь, и я еще успею пригласить Сашу. Но не успела. В тот день я видела его в последний раз...

Мне ужасно тяжело писать воспоминания о нем, потому что для меня он все равно где-то рядом. Начнешь работать за компьютером и все время в разговоре ловишь себя на том, что произносишь вслух: «Вот это, помните, Саша нам установил, показал, исправил и т.д.». А особенно больно, когда видишь, что без его помощи нам приходится очень сложно. Он был неординарной личностью, и нам его действительно очень не хватает. Да и сознание отказывается принимать эту ужасную действительность за реальность. Все время кажется, что он просто отсутствует и скоро вернется.

Глаза видели, а сердце отказывается верить...

Альбина Витальевна Лысенко,
зав. отделом комплектования

Судак, 2000г.

Отрывки из обрывков

●●●

...Да, похоже, ручка приказывает долго жить – так сказать, очередной этап моей жизни, немой, так сказать, свидетель перипетий борьбы за существование. Скоро, очень скоро он отдаст последние капли чернил и падет в неравной борьбе с чистыми клетчатыми страницами. И тогда мне придется выкинуть эту замечательную ручку MITSUBISI в мусорное ведро. Но я всегда буду с радостью и благодарностью вспоминать время, которое она помогала мне убить: часы, минуты, дни, проведенные за глупым и бесполезным маранием бумаги. Спи спокойно, дорогой товарищ, пусть твой сон ничто не нарушит.

●●●

Что бы такое написать? Напишу слова. Слова могут быть совершенно разными, но они должны сочетаться так, Чтобы было приятно для глаз – если читать, или для ушей – если слушать. В первом случае достаточно красивого почерка. Во втором – красивого голоса... Видно, что-то я упустил. А то выходит, что смысла в словах может и не быть, да и не в смысле дело. А дело – в приятности. Кажется, это логический тупик...

●●●

17.09.99. Собственно, по поводу отмазок. Ежели, допустим, мне не хочется что-то делать или кого-то видеть – всегда найдется множество объективнейших причин, по которым мне это сделать никак не возможно. И почти без напряжения, без малейшего усилия с моей стороны. Однако все эти объективные причины могут быть мгновенно обойдены и забыты, если то, чему они мешают, мне сделать хочется. Так что – все относительно.

●●●

Отбросив все второстепенные обстоятельства, из двух основных я хотел сделать выводы.
Но, в конце концов, эти выводы сделали меня...

Сарыг. Август, 1996г.

Саша, Сашенька!

Вот уже прошло полгода, как его нет с нами, а мы все не можем поверить в то, что случилось.

Чья-то жестокая рука отняла у него жизнь, оставив в наших сердцах горечь и боль утраты.

Да к этому и невозможно привыкнуть...

Помню его, когда он ходил в детсадик. А вот уже и школьные годы. После занятий в школе он приходил к нам в патентный отдел и садился делать уроки. Головка его склонялась над тетрадкой, и он старательно выводил буквы и цифры. Я всегда наблюдала со своего рабочего места в зале, как он выполнял уроки. Дети в классе считали Сашу «вундеркиндом», а ведь дети очень правильно дают оценку своим одноклассникам. Они знают, кто «зубрилка», кто подлиза. А Сашу они уважали за его знания, за его честность. Таким он был всегда.

Вот прошли и школьные годы. Мы все в патентном отделе радовались его Золотой медали. Эта награда была заслуженной.

А вот и конец учебы в ДГУ. Какова была моя личная радость, когда я узнала, что Саша защитил диплом на английском языке!..

Какой это был прекрасный человек! Он, как Солнце, вокруг которого всегда светло и тепло. Я думаю, я уверена, что люди будущего будут такими, каким был Саша: чистыми, светлыми, добрыми...

Я помню день, когда видела его в последний раз близко. Он стоял возле меня, говорил по телефону, потом повернулся ко мне, улыбнулся своей лучистой, красивой улыбкой, поблагодарил и стремительно вышел. А я подумала, что таких, как Саша, надо беречь, потому что такие будут строить будущее — далекое оно или близкое. Хотелось, чтобы оно было поближе.

Родителям Саши - Татьяне Александровне, Владимиру Федоровичу, - Валечке и всем родным и близким желаю не слез, но носить в себе гордость, что у вас был такой СЫН, БРАТ, ВНУК, ПЛЕМЯННИК...

Лилия Васильевна Шевченко,
ведущий библиотекарь патентно-технического отдела

Детский сад, 1980г.

С книгой...

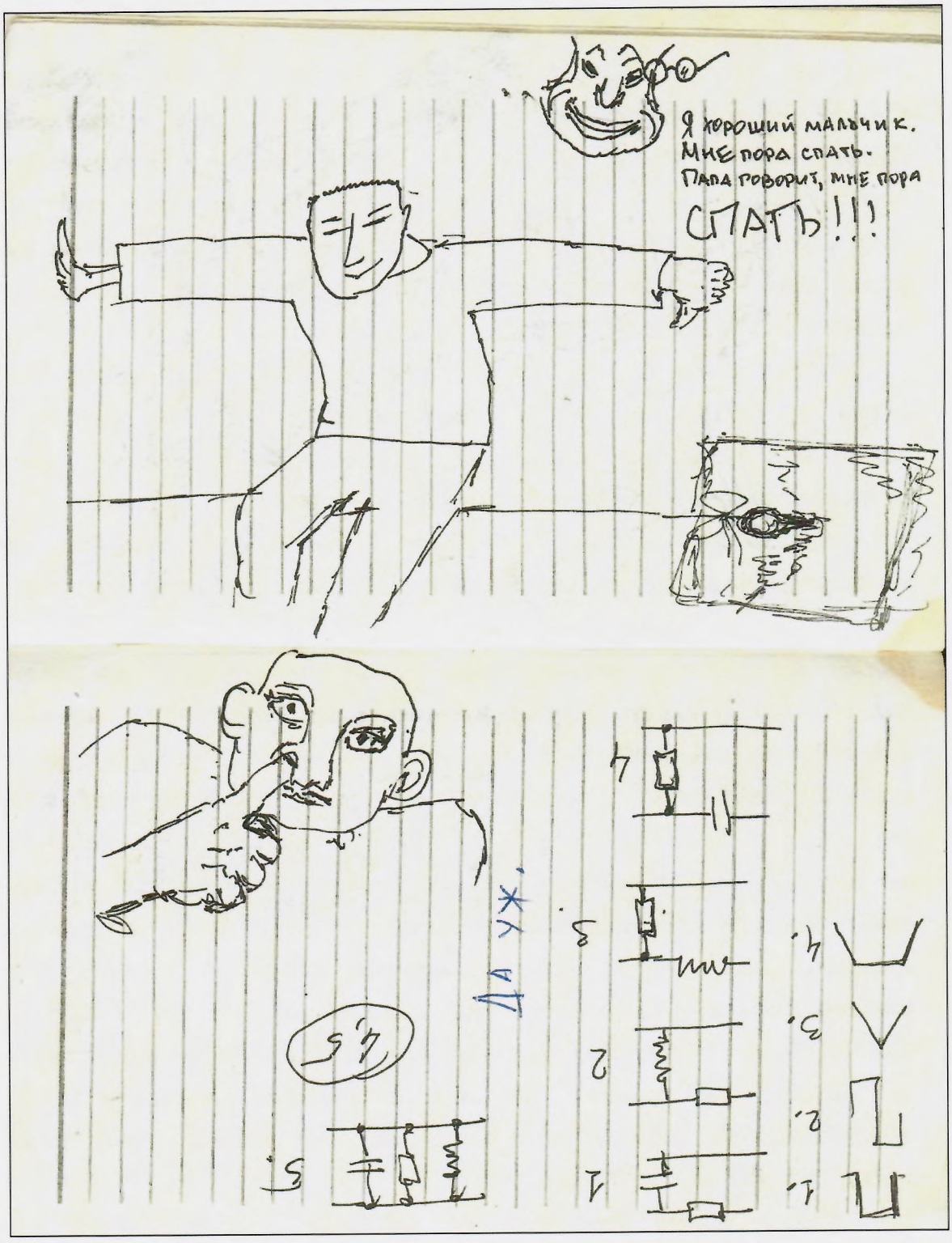
1.05.93. Надо писать, надо говорить, надо мыслить, надо жить. /.../ Кто-то сказал: "Я думаю – значит я существую." Камни и животные не думают, но они существуют. Надо различать жизнь и существование. Для чего мы живем? Чтобы жить. Жизнь ради жизни. А для чего жизнь? У Рериха в книге я прочитал, что жизнь – это один из многих этапов на пути к нравственному совершенствованию. Может быть. Но у него – жизнь в человеческом мире – это одна из первых ступеней после небытия. Но, с другой стороны, зачем нужно это конечное

нравственно совершенство? Пьер Безухов тоже тревожился такими вопросами, но после плена, встречи с Каратаевым, он понял что-то. И эти вопросы, и многие другие оставили его. Говорят, что только дурак учится на собственных ошибках, имея в виду, что надо учиться на чужих ошибках. Но чужие ошибки не всегда впечатляют, предостерегают и учат правильному пути. Sometimes it is more useful to make your own mistake, only one time, than ten times look at the other's mistakes. Вот это, по-моему, как раз тот случай. Больной вряд ли излечится, прочитав, как излечился другой точно такой же больной.

Где-то на улице на гитаре играют. Красиво. Я люблю, когда красиво играют на гитаре. Иногда мне очень хочется услышать красивую задумчивую музыку, незнакомую, приятную. И никогда нет у меня этой музыки в нужный момент.

Писать, писать, писать. Писать, сорить словами, разводить демагогию, наводить тень на плетень, писать чепуху, ерунду, писать то, что потом читать не будешь, что читать никто не будет, писать только для того, чтобы писать, чтобы занять руки, глаза и мысли, чтобы эти мысли не мучили тебя, когда надоел телевизор и магнитофон надоел, поговорить не с кем и спать не хочется. теперь я знаю, зачем я веду дневник: я веду его, чтобы избавляться от невысказанных мыслей, которые никто не поймет и которые не нужны даже мне. Мысль высказанная есть мысль потерянная. Особенно, если эту мысль приняли многие. Эти мысли, как солнечный свет на Земле: все живое питается им, но никогда не использует его на 100%. Мысли непонятные – те, как звезды: они тоже имеют свет, но от него ни тепло, ни холодно. А мысли невысказанные – это черное пространство между звездами: мы все знаем, что там полно звезд, но мы их не видим./.../

Когда ничего нельзя и не хочется делать, надо ложиться спать.

Я хороший мальчик.
Мне пора спать.
Папа говорит, мне пора
спать!!!
Да уж.

***

Полгода без Саши...

Еще в декабре мы обсуждали планы на этот год, и Саша терпеливо нам объяснял технические подробности межбиблиотечной корпоративной сети. Мы договорились встретиться в начале января, и вот... уже полгода без Саши.

Мы еще помним, как впервые обратились к нему за помощью, когда наш компьютер, из вредности, в очередной раз завис. Саша, придя к нам, подступил к компьютеру с застенчивой мудростью. Он тогда только присматривался к библиотеке, он еще думал, что может сделать. И мы тогда присматривались к нему, к его манере неторопливо, но хватко начинать все дела. Потом он проводил сеть, вытягивая провода по стенам. Мы шутили с ним...

...И вот — уже полгода без Саши...

Еще сохранились у нас в компьютере электронные письма от него, которые он, по обыкновению, подписывал: «С уважением — Саша». И эти письма вселяли в нас ощущение защищенности: мы понимали, что есть человек, который всегда вытащит нас из компьютерных лабиринтов, корректно поправит, даст новое видение привычных вещей.

Еще второго января мы смотрели с ним компьютерные фотографии с новогоднего вечера. С ним приятно было просто посидеть и пообщаться, от него исходила притягательность молодого интеллектуала, которому много было дано от Бога...

И он ушел.

Все. Без Саши.

Нелепость, с которой библиографы никогда не смирятся.

Сотрудники отдела библиографии

Вечер в библиотеке, 1999г.

Сентябрь, 2000. Лучше запланировать - и ничего не иметь, чем НЕ запланировать - и НИЧЕГО не иметь.

19.11.92. Когда окружающие считают тебя лучше, чем ты есть на самом деле, не надо пытаться разубедить их. Надо стать лучше.

16.12.93. Отсутствие или редкое присутствие эмоций – еще не умение их скрывать.

23.01.99. Никто так не портит настроения уставшим озабоченным людям, как человек в бодром расположении духа.

2000 год. На мои улыбки она отреагировала слабо, заскучала, засмотрелась в окно, заболела головой...

Наверное, нельзя было так много улыбаться и так мало говорить.

11.10.93. *Это очень полезно – не спать ночь из-за совести.*

9.02.99. Когда убегаешь от паровоза, главное – сойти с рельсов.

19.11.95. *...я попытался сделать выводы, но в итоге эти выводы сделали меня. Я понял, что для выводов еще не настало время, стало быть, беспокоиться нечего.*

День рождения друга, 1996г.

***

Серьезное лицо, ясный взгляд, мысли где-то далеко — постоянно ищущие чего-то нового и неразгаданного. Веселый — лукавые глаза, и тогда такие же озорные выражения на экране его монитора:

Поисковое выражение состоит из слов и их начал (:-)), в любом регистре, разделенных пробелами. Также существствует строка для слов, которые нужно исключить из поиска.

Богатый внутренний мир, тонкое восприятие всего, умение ценить прекрасное и стремление сделать вокруг себя все лучше, целеустремленность и трудолюбие — эти редкие качества были собраны в одном человеке — Саше.

Он был так молод, но так много успел! За короткий срок библиотека стремительно вошла в мир информационных технологий. Многие мысли Саши уверенно находили свое место в жизни. Большой массив нашей работы сделан им, и память неустанно возвращает нас к имени САША.

Сотрудники отдела компьютеризации

Сотрудники отдела, 1999г.

25.08.97. Каждый день, прожитый человеком, должен быть достоин запоминания.

Очень плохо, когда день заканчивается в 16єє. Это противоестественно. День должен начинаться в шесть утра и заканчиваться в полночь, и длиться все время – без перерывов на обед и послеобеденный сон. И я точно знаю, что так бывает – стоит только захотеть. И тогда не важно, какая погода и каких людей ты встретишь. Обстоятельства теряют власть над тобой, ты – хозяин жизни, это уже не жизнь проходит, а ты – гордо и с достоинством – шагаешь по жизни.

Я не припомню сейчас, бывало ли такое со мной раньше, но знаю, что наверняка бывало – иначе откуда же мне знать все это?

Мост на Комсомольский остров. Тренировка. 1998г.

Тарханкут. Август, 1997г.

***

Наш маленький коллектив бухгалтерии очень тесно связан с каждым отделом, с каждым его сотрудником. С кем-то мы встречаемся реже, с кем-то чаще...

Сашу я помню еще школьником — тихим, спокойным, прилежным ребенком.

Спустя годы, мне посчастливилось не только встретиться с Сашей, но и работать с этим молодым, очень способным руководителем отдела, который, терпеливо вдалбливая в нас все свое умение и знания, уверенно шел к заветной цели, к своей мечте: он хотел видеть библиотеку будущего...

С ним работать было легко и просто. Он понимал нас с полуслова. Был ответственный: выполнял все четко, своевременно, без напоминаний. Сашу не только уважали — его просто любили. Он никогда не подчеркивал свое преимущество над другими, ко всем относился ровно.

Очень хочется, чтобы альбом памяти о нашем Саше был не только в музее библиотеки, но и в его отделе, с такой любовью им созданном.

Сашино терпение к нам порой было бесконечным. Тысячу раз повторял нам одно и то же, всегда оставаясь спокойным и сдержанным. Установленные им программы по персонификации, для пенсионного фонда работают безотказно уже два года. И все специалисты отзываются о них только положительно. А принтер он отрегулировал так, что не каждый специалист пенсионного фонда мог бы это сделать.

Своими делами Саша оставил о себе только хорошие воспоминания.

Сотрудники отдела бухгалтерии

Автопортрет, 1999г.

... Итак, продолжим. Красивый почерк – основа приятности текста для глаз. Однако использование печатной машинки сравняло шансы каллиграфов и тех, чей почерк был понятен только им самим. Возникла ситуация, когда для оценки различных слов, напечатанных разными авторами, необходимы стали и другие критерии, кроме внешней приятности для глаз. Слова должны обладать также и внутренней приятностью. Одним из компонентов внутренней приятности можно назвать понятность слов. Если я не понимаю то, что читаю, девяносто процентов за то, что это не доставляет мне удовольствия. Как же добиться понятности написанных слов? Ясно, что писать следует на известном языке и использовать широко употребляемые слова. Часто понимание облегчается использованием распространенных штампов – устоявшихся широкоизвестных выражений, описывающих те или иные явления, процессы, качества. Читая такой штамп, сразу становится понятно, что именно имел ввиду автор. Но с другой стороны штампы "унифицируют" авторов, делают их неразличимыми. Поэтому авторы стараются использовать

собственные индивидуальные стили. Стилем можно назвать тот набор специфических штампов, который наиболее часто используется данным автором. Использование стилей побуждает некоторых авторов придумывать собственные новые штампы, которые, в общем-то, нельзя назвать штампами в полном смысле слова: только что придуманные, они не могут быть широко распространенными. Таким образом, нововведения затрудняют понимание слов.

К сожалению, практически невозможно определить однозначно, кем будут прочитаны слова, как невозможно и точно оценить его восприятие и реакцию на эти слова. Однако, в качестве отправной (или, может быть, опорной) точки можно сделать предположение, что прочитанное будет приятно адресату в том случае, если выполняются как минимум два условия:

1. Написанное – приятно автору.
2. Адресат имеет характер и склад ума близкие к характеру и складу ума автора.

... на основе этого положения можно сформулировать теорему такого толка:

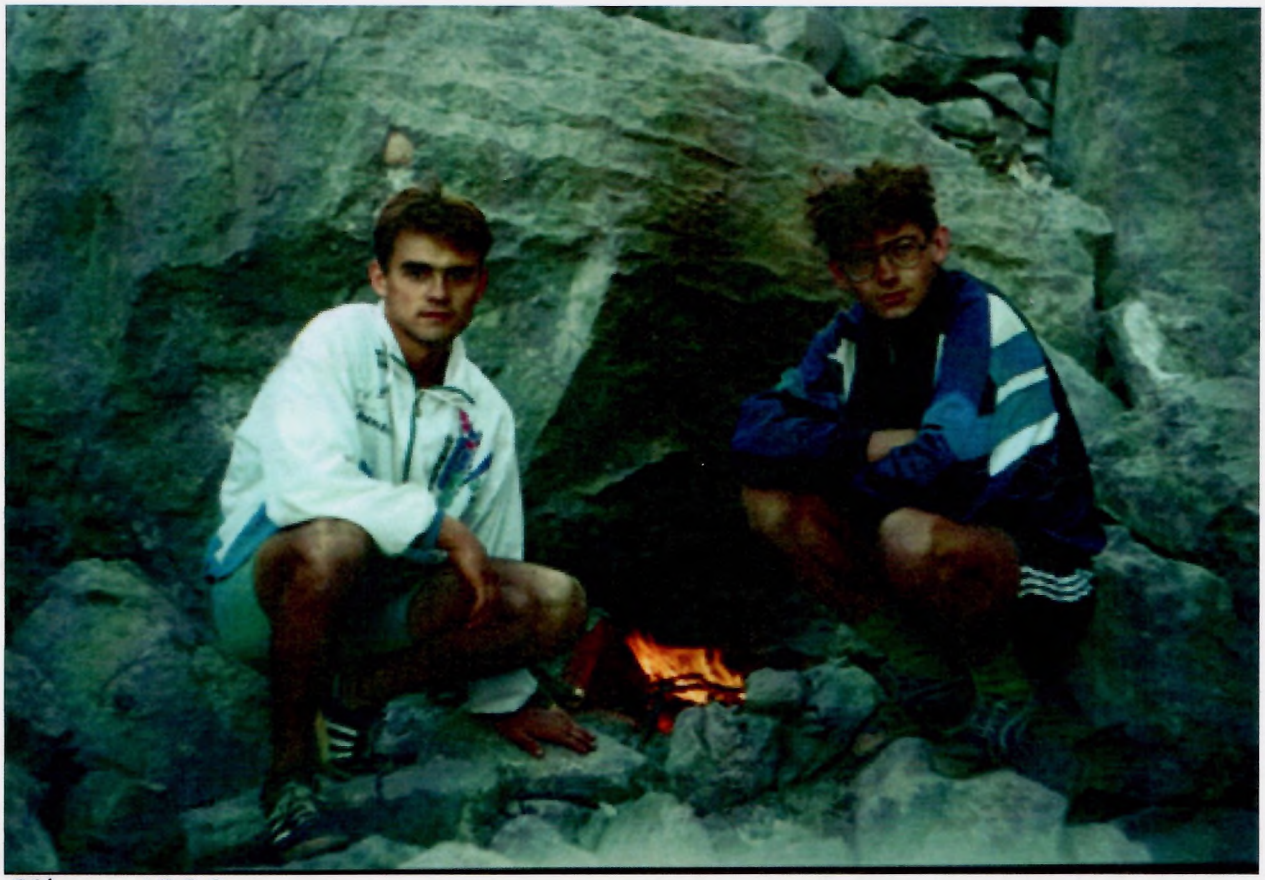
Даже если автору совершенно не нравится им написанное, это не значит, что это не понравится никому больше.

Действительно, в силу почти бесконечного многообразия человеческих характеров и складов ума всегда можно найти кого-нибудь, кто мог бы, написав такие слова, получить удовольствие, их прочитав.

... Если у человека не хватает духа произнести что-нибудь вслух в присутствии некоторого другого человека, то часто можно прибегнуть к письменному изложению мыслей. Он имеет то преимущество, что каждое слово, каждая фраза может быть обдумана сколь угодно тщательно (читай – долго), мысль отточена до совершенства.

Однако мысли, записанные на бумаге – это почти документы, они становятся опасными и могут работать против автора при различных неблагоприятных обстоятельствах. То есть, очень сильно возрастает фактор ответственности.

Из заметок на полях
конспектов лекций
"Введение в философию"

Крым, 1999г.

***

Чем дальше уходит от нас тот страшный день, когда мы узнали о случившейся трагедии, тем острее ощущение потери.

Пожалуй, не было еще ни единого дня, когда бы мы не вспоминали нашего Сашу. Мне все время кажется, что сейчас откроется дверь, и он войдет своей легкой, пружинистой походкой, всех поприветствует, улыбнется и направится к компьютеру. Я отчетливо вижу его сидящим за компьютером — сосредоточенного, серьезного, чуть подергивающего плечами...

А я еще очень часто вспоминаю его совсем маленьким, первоклассником. После уроков Саша всегда заходил к нам в патентный отдел в своем темно-синем школьном костюмчике, с ранцем за плечами. Он обедал и шел в конец читального зала делать уроки. Часто брал с полки совсем не детские книги и часами читал. Его никто и не слышал...

Вспоминаю, когда видела его в последний раз, - в тот самый день, второго января. Мы с Ириной Викторовной попросили его показать на компьютере фотографии нашего Новогоднего вечера. Несмотря на то, что был очень занят, он все же показал, при этом вежливо заметив:

- Это есть в компьютере, и вы можете сами посмотреть.

Саша всегда был вежлив, сдержан, никогда не кичился тем, что он намного больше нас знает и умеет. Всегда терпеливо и корректно объяснял нам, как общаться с компьютером. Умел он и веселиться; у него очень развито чувство юмора. Саша очень нравился мне в наших праздничных вечерах.

Я до сих пор не могу о нем говорить и думать, как об ушедшем навсегда.

Он жив. Он с нами ежечасно, постоянно — в нашей памяти. Я бы очень хотела, чтобы мой сын был таким же, всегда ставлю Сашу в пример.

Надежда Григорьевна Литвиненко,
Зав. отделом обработки

Шахматы. 1984г.

10.12.94. Человеку нужно самоутверждаться, ему нужно соревнование, игра – это из концепции культуры Йохана Хейзинги. Я так понимаю, что чем человек осознает себя выше другого, (конечно, до какого-то предела), тем лучше он себя чувствует. Однако есть и другой человек – тот, выше которого чувствует себя первый. И ему тоже нужно возвыситься над кем-то, опередить кого-то. Но так не может продолжаться бесконечно. У этой лестницы нет конца, но есть начало. И хуже всего не тому, кто стоит на самой нижней ступеньке, а тому, кто стоит на второй. Это – неудачники. Что бы они ни делали – у них ничего не выходит, но они делают, они пытаются подняться вверх по лестнице, они еще не потеряли надежды. Люди на следующей ступеньке чувствуют себя хорошо: они ведь делали все то же, что и неудачники, но у них получилось и они вполне довольны собой, смотрят со снисходительной улыбкой на низших, с некоторой тревогой – на тех, кто рядом и с завистью – вверх.

Неудачники не могут смотреть вниз с улыбкой. Они боятся оказаться там; они не испытывают достаточного удовлетворения от того, что они выше. Они знают, что снизу

можно выбраться, приложив усилие, но те, кто внизу, не прилагают его – им не нужно это. Они живут вне культуры; им достаточно того, что есть у них. Конечно, на каждой ступеньке есть множество своих лестниц. Собственно говоря, у каждого человека есть своя лестница, и его самочувствие часто зависит только от того, насколько высоко он ставит себя на ней.

В таких лестницах сравнивают себя с другими по разным параметрам, и в зависимости от этого ставят себя на ту или иную ступеньку. Такая оценка очень индивидуальна и часто не объективна; но о какой объективности можно говорить, когда речь идет о человеке, тем более об оценке человеком чего-нибудь, тем более себя?

Гассет пишет, что человек массы доволен собой, что масса всегда готова подогнать всех под свой уровень. То есть не всех, а тех особенно, кто чувствует себя выше массы. А что может привести человека в такой ранг? Работа над собой, вызванная чувством неудовлетворенности. Он может возвыситься материально, а может – духовно, интеллектуально. Как перед первыми, так и перед вторыми может встать проблема: а что дальше? Кто-то решит продолжать – копить деньги, духовно совершенствоваться, а кто-то нет. Из этих тоже возможны разные варианты: люди определенного склада будут стараться поднять массу на свой уровень, (таковы, мне кажется, были гуманисты, таким, наверняка, был Христос, только Он, по-моему, никогда не останавливался в совершенстве); другие сопьются, уйдут в мир наркотиков, покончат с жизнью. Примером такого может послужить Мартин Иден. Этот сильный человек умер, потому что не нашел, что ему еще делать в этой жизни.

Днепропетровск, 1997г.

***

Трудно писать о юноше, который ушел в вечность. Он только вступил во взрослую жизнь, сулящую ему и радости, и трудности бытия. Тяжело вспоминать о Саше, жизнь которого оборвалась так неожиданно и трагично...

А остался у нас в памяти — да, наверное, не только у нас, - мальчик, которого мама приводила в библиотеку. Он вырос у нас на глазах, окончил школу, университет. Он удивлялся книгам и умению библиотекарей анализировать произведения, писать о них. Говорил, что математика легче.

А потом он пришел к нам работать, будучи еще студентом. Вместе с друзьями оформил компьютерную комнату, учил желающих работать с этим неизведанным для нас прибором. С юмором и мягкими, необидными шутками Саша вел нас по компьютерным премудростям. Вспоминаются торжественные вечера и внутрибиблиотечные праздники, где Саша был с кино-камерой, подыгрывал нашим «артистам».

Светловолосый, симпатичный, обаятельный...

А сейчас его нет. Мы протестуем против жестокой несправедливости и надеемся на возмездие, которое, в конце концов, наступит, - должно наступить! — иначе в этой жизни идет что-то не так.

На экране нашего компьютера после работы медленно плывут четыре буквы «САША». А в памяти навсегда остался живой Саша — добрый, веселый и симпатичный мальчик.

Сотрудники отдела искусств

Автопортрет, 1997г.

29.12.93. Эстетическая грусть... Интересно. Может, меланхолия?.. Чепуха. Просто немного плохое настроение. Если пожить, то заметно, что проходит почти все... И не надо делать трагедию из пустяков – для этого есть серьезные вещи.

Я все чуда жду, волшебства. А они ох как редко бывают. Со мной случались такие себе обычные чудеса. Приятно. Наверное, лучше много маленьких все время, чем одно большое за всю жизнь, наверное. Плохо, когда вообще никаких...

29.10.94. В этом году похолодало еще раньше, чем в прошлом, буквально две недели назад было тепло, почти жарко, потом вдруг резкое похолодание. Теперь опять потеплело, но зимнюю одежду уже не меняю на осеннюю. Я очень жду зиму. Почему? Я не уверен, не знаю. Просто жду. Дождусь – буду ждать весну, потом лето, потом снова зиму. Не буду ждать только осень, я

не люблю ее. Осень всегда тяжелее всего пережить. Может, это и не так, но сейчас осень, и кажется, что иначе и быть не может.

А погода сейчас отличная. Всю неделю температура не поднималась выше +1. Иногда шел реденький снежок, а по утрам замерзали лужи, и на всем-всем-всем был иней. А вот сегодня впервые выглянуло солнце, разошлись облака, и от этого стало приятно жить. Стоило только подставить солнышку лицо, как улыбка сама собой появлялась и оставалась на нем, и обо всех хотелось думать только хорошо...

Когда я в таком состоянии, со мной можно делать что угодно – мне все равно. Расстроить меня может только одно – если небо опять затянет тучами. Но и после этого я еще долго буду вспоминать этот день и улыбаться.

***

Нет сил писать
И говорить.
Душа болит
И рана кровоточит...

Ты — наш учитель молодой,
Мы все теперь умнее,
И с нами навсегда ты —
В потерю мы не верим.

Заходит парень молодой
Стремительной походкой,
А сердце сразу упадет:
Не он ли?..
А похож как...

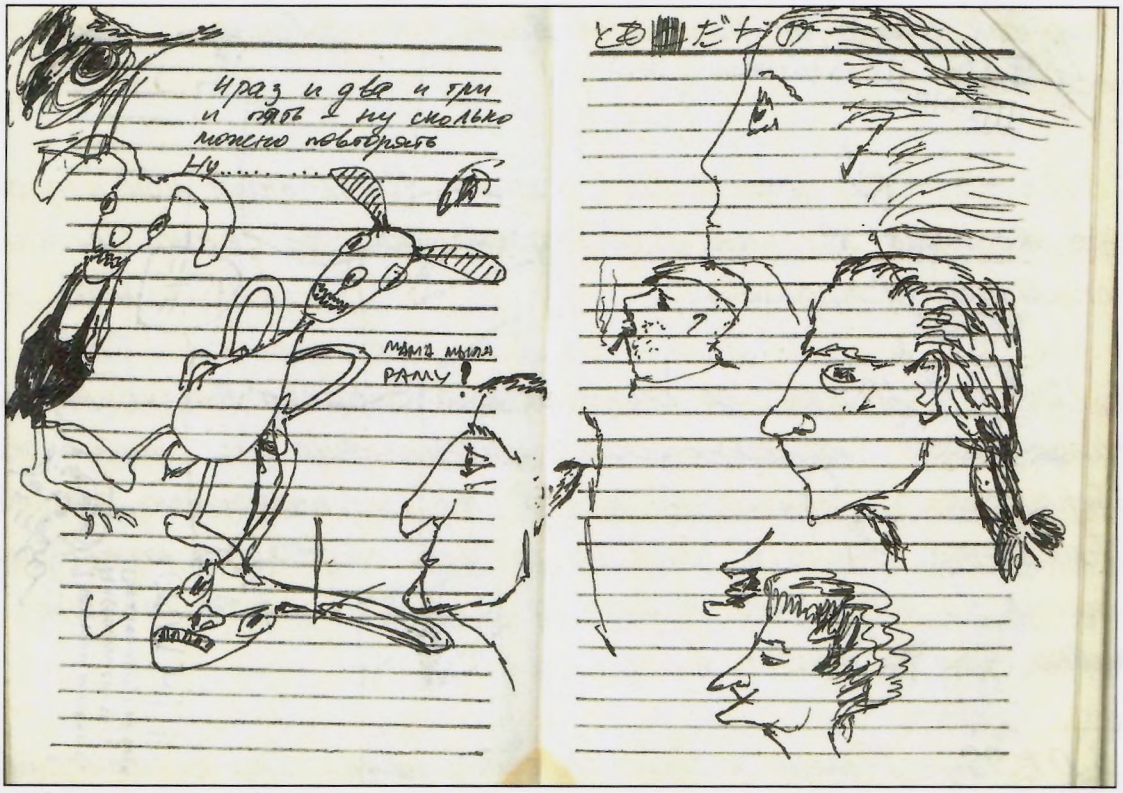
Как долго верить не могли,
Что это навсегда...
Пока мы живы — жив и ты,
Живут твои дела.

Жужжит компьютер на столе
И принтер тарахтит...
Читатели, не знали вы,
Что нету наших сил

Смотреть, работать, говорить
И думать, наконец;
Что каждому из нас тогда
Хотелось просто выть...

Мы пережили тот кошмар
И постарели все,
И хоронили всех детей,
И плакали по всем.

Пусть память светлая живет
И пусть живут дела.
Наш Алекс милый,
С нами ты —
Навеки!
Навсегда!

19.06.96. Кратко излагать не умею, потому что краткость — сестра таланта.

Литературные упражнения в стиле, сам не знаю кого. Возникновение своего стиля маловероятно, возможны только «творческое» осмысление и переработка чужих способов излагать что угодно.

Я все чаще ощущаю себя героем какого-то малобюджетного фильма с продолжением, напоминающего по жанру такие вот специфические фильмчики, когда собираются люди и начинают снимать кино о том, как собираются люди и решают снять фильм о старых друзьях, собравшихся в один прекрасный день вместе и подумавших: а почему бы нам ни снять кино?.. и т.д. и т.п. Ну, хоть бери — и в мыльную оперу.

25.09.97. Анализ... Нет, наверное, вещи могущественнее и гнуснее в то же время. Сколько на него тратят времени и сил — и сколько он приносит пользы, сколько на него возлагают надежд

– и как горько он разочаровывает. А особенно – анализ своих поступков...

16.02.93. Свои недостатки я знаю. Но главный мой недостаток это то, что я, зная свои недостатки, не делаю не малейшей попытки их устранить.

6.12.93. Может, со стороны это странно выглядит: напишу какое-нибудь категорическое утверждение и тут же его обкрамсываю, приглаживаю, а то и полностью опровергаю. Почему-то обычно у меня не бывает отдельного категорического мнения по поводу чего-нибудь, у меня их всегда множество – все равно, что ни одного. /.../

5.01.99. Теперь я знаю за собой целых три достоинства: 1) я не курю; 2) люблю мыть посуду; 3) очень фотогеничен. О скромности я умолчу. Из скромности.

Дома, 1998г.

***

Я очень хорошо помню Сашу. Он был замечательным, добрым, отзывчивым человеком.

Вспоминаются несколько ярких и характерных для него эпизодов.

Однажды у меня сильно разболелась голова. Саша в это время шел домой, — а уходил он всегда очень поздно. И вот, не считаясь со своим личным временем, Саша предложил подежурить за меня, чтоб я имела возможность отдохнуть. Еще случай. Я шла домой, в руках — тяжелая сумка. С каким уважением, с какой заботой он отнесся ко мне: взял сумку и помог донести.

Иногда Саша ездил домой на велосипеде. И вот однажды я спросила, где его конь? Он засмеялся и говорит: в конюшне. Еще рассказал, как удобно им ездить, как быстро можно добраться домой.

Когда-то я попросила Сашу позаниматься с моим внуком. Мне было очень неловко. Но Саша улыбнулся и сказал, что в этом нет никаких неудобств, и он в любое время готов помочь ему. Это был очень чуткий к чужим бедам человек.

Вот однажды несет Саша ведро с водой. Я решила, что он занялся уборкой в своем кабинете, и предложила свою помощь. На это Саша шутливо заметил, что он еще молодой, и ему ничто не в тяжесть.

Когда же в библиотеке бывали праздники, Саша всем запомнился очень веселым, жизнерадостным и общительным человеком. Он абсолютно со всеми мог найти общий язык.

Это был прекрасный человек. Человек с большой буквы, о котором можно много вспоминать, и вспоминаться будет только хорошее.

Евдокия Григорьевна Захарова,
швейцар

Новогодний вечер в библиотеке, 1998г.

11-12.02.95. Когда плохое (более-менее) настроение, даже хорошие вещи вспоминаются в темных тонах. А ведь в отдыхе на море много приятных сторон: можно приятно загореть, если знать меру, классно выкупаться и попрыгать с волнореза. А как приятно присесть на самом его краю, обросшем теплыми зелеными водорослями, на которые так приятно поставить ноги, и смотреть на горизонт, расслабившись и позволяя брызгам небольших волн обдавать тебя с ног до головы, а волнам – обмывать и без того чистые ноги. А когда поднадоест, прилечь на том же волнорезе на нагретый за день бетон, закрыть глаза, смотрящие в небо, и насладиться теплотой и шероховатостью камня, редкими брызгами, падающими на живот (щекотно!), плеском волн, легким глубоким ветром и перестуком гальки в пушистом прибое. И думать, как это классно, а при желании можно и заснуть.

На камнях неудобно лежать боком или полулежать. Поэтому в карты и шахматы надо играть на лежаках или на матрасе. Зато очень приятно любоваться красивыми девушками, лежа на

спине, заложив руки за голову, полуприкрытую белым мохнатым полотенцем. Приятно плюхнуться пузом в горячие камни, выбежав из прохладного моря, и постараться зарыться в них, согреться и, спрятав лицо в руки, дышать солью камней, жалея, что нельзя лизнуть какой-нибудь из них — грязные ведь, люди ходят по ним. Приятно лежать в полосе прибоя так, чтобы волны пропенивали тебя до пояса и выше, а если нельзя — так только ноги, вытряхивать камешки, застрявшие между пальцами; приятно ходить по берегу, шагая по липким и мокрым камням, зарываясь в них по щиколотку ногами, за которые хватают тебя волны. Обувь не нужна! Сухие колючие водоросли, приносимые иногда прибоем, не делают больно ступне, это даже приятно. А как я люблю, проведя часа четыре на морском воздухе, закусить виноградом, яблочком, а более всего — помидором с черным хлебом. Помидоры я не солю, предпочитаю их так, особенно сладкие. А если есть еще пара-тройка печеных картошин да ломтиков сала и пиво холодное, чтоб не в сухомятку, - так человеку не остается желать ничего лучше... Ха, опять я увлекся!.. Зато разрядился и настроение лучше.

Крым, 1999г.

Памяти Саши Абраимова

Прошло полгода, как тебя нет...

Но это неправда. Ты навсегда остался с нами, мы только не слышим и не видим тебя. Невыносимо больно из-за этого. То, что случилось с тобой — абсурд, этого просто не могло произойти, это какая-то нелепость...

Мы помним тебя маленьким мальчиком — тихим, спокойным, смышленым и любознательным, всегда с книгой в руке. Казалось, что ты никогда никому не доставлял хлопот.

Прошли годы, ты «незаметно» стал студентом. И в то время ты тоже отличался от своих сверстников культурой, обходительностью, желанием познать больше.

И вот ты дипломирован. Свои знания ты умело, выдержано и спокойно передавал сотрудникам библиотеки. Твое умение привить любовь к компьютеру ощутило большинство наших специалистов.

Сейчас мы особенно остро чувствуем твое отсутствие и необходимость в тебе. Ты нужен нам постоянно.

Твоя приветливая улыбка, тактичность, доброжелательность, высокий профессионализм, увлеченность компьютером, умение общаться с людьми и понимать их снискали тебе глубокое чувство уважения и любви.

Такие замечательные качества человека с большой буквы ты, видимо, унаследовал от своих родителей — Татьяны Александровны и Владимира Федоровича. Плюс к этому — ты получил хорошее воспитание.

И сколько бы ни прошло времени, ты навсегда останешься для нас дорогим человеком.

Ты всегда с нами — в нашей памяти, наших сердцах.

Зинаида Николаевна Рыжкова,
хранитель музея библиотеки

Судак, 2000г. Автопортрет.

9.02.99. Случается, что в голову приходят мысли. Согласитесь, что очень часто это случается, но не всегда замечаешь это. Вот мысль пришла, поболталась – и ушла, и нет ее. Говорим – мысль потерял. А то бывает еще: придет и, нахалка, занимает все свободное пространство. Как газ. И не уходит, как бы ни хотелось. Это называется – «одно на уме». Или «навязчивая идея», если мысль уж больно наглая, а хозяин уж больно добрый – выгнать не может. Но чаще всего мысли приходят стаями. Или компаниями: иногда - дружными, иногда - не очень. Бывает, что шумными, бывает, что тихими. В первом случае они, как правило, носятся туда-сюда, наскакивая друг на друга, спотыкаясь о соседей и вообще – ведут борьбу за

власть. Во втором случае мысли имеют обыкновение течь, не спеша, плавно переходя одна в другую, никому не переча. И что интересно: тише едешь — дальше будешь! Вот так неспешно можно уплыть, куда Макар телят не гонял. Очнешься — где я? Эк меня занесло! А всего лишь задумался на минутку...

Среди приходящих мыслей есть своя особенная каста — идеями зовутся. Различают идеи гениальные и идиотские. И те, и другие бывают сумасшедшими. Хотя, казалось бы: откуда у идеи ум, с чего ей сходить? — нет, назвали так и не иначе. Так вот, бывают люди, к которым идеи приходят редко, к другим — заваливаются толпами. А то еще любимое занятие у них, идей то бишь, - в воздухе носиться. Они носятся — а ты лови. А поди их поймай! Они, небось, со скоростью мысли носятся. Но ничего, говорят, есть люди, которые идеи не только ловят, но и воруют! Вот это мастера! Правда, еще говорят: пока идея никому в голову не пришла — совершенно ничего с ней поделать невозможно. Ну, нельзя, значит — нельзя.

Бывает, мысль придет - а ты ее не узнаешь. Вроде, мысль как мысль, все, как у людей — ан нет. Какая-то не такая она, инородная. Чужая. Подумаешь ее, бывает, - непривычно! — да и бросишь, удивившись. Ходят тут всякие...

Но, что ни говори, а мысли — гости. С ними, конечно, как с гостями, - раз на раз не приходится: и хорошие попадаются, и не очень, и желанные, и незваные — всякие. Как повезет. Ну, и от хозяина зависит, конечно. А хозяин, какой бы радушный ни был, отдыхать все ж таки должен. Гостей — вежливо попросить, если засиделись. Или намекнуть: если догадливые — сами уйдут. И посидеть в тишине, послушать ветер, посмотреть в окно, мусор прибрать — не для гостей, для себя; да и вообще чердак в порядок привести... Оно, конечно, всех выгнать нипочем не выходит: пара-тройка всегда, как пить дать, где-нибудь затешутся; ну да не беда - лишь бы не мешали. А прибравши да отдохнувши, можно и самому гостей позвать: собраться, как говорят, с мыслями...

Вот так и живем. Дн-вск, дома.

Память сердца

О Саше все вспоминается сквозь боль и неприятие. Сначала внутри протест — «Неправда!». Затем медленно, долю безысходно вползало смирение...

Целую вечность Саши нет с нами. А рядом он был чуть более двух лет. И очень не просто рассказать об этих часах рядом.

Внешне — мягкий, приветливый, молчаливый, застенчивый, с каждым, кто рядом — без лишних слов, скоре в поступке — он внимателен, уважителен, всегда готов помочь. Почти всегда с теплой улыбкой, слегка снисходительной, слегка ироничной... Вот она и помнится ярче всего!

Иногда — задумчивый или грустный, как обиженное дитя.

Никогда не проявлял резкости, раздражения, нетерпения.

Саша очень много работал над собой. Увлекался делом, наукой, поиском и познанием нового. Мы все ощущали его интеллект, незаурядную эрудированность и еще — истинную, природную интеллигентность. Наверное, много ему подарили, передали по наследству его предки.

И только сейчас, думая о Саше, понимаешь, что его душа жила особой жизнью. И редко кому, наверное, позволялось войти в эту жизнь.

Думаю, каждый чувствовал его "особенность". Возможно, даже не отдавая себе в том отчета. И немного робели перед ним, и не совсем понимали. Но, на уровне подсознания, знали, что Саша — Личность, личность незаурядная. Уверены, что у него могло быть большое будущее. Его мечты и устремления были чисты и прекрасны.

Саша, в свои совсем юные годы, был из тех редких людей, у которых есть что отдавать другим. Бог щедро одарил его.

Встреча в жизни с Сашей — большая удача и радость для меня. Он оставил в сердце незабываемый след. Его душа словно звала к добру и красоте.

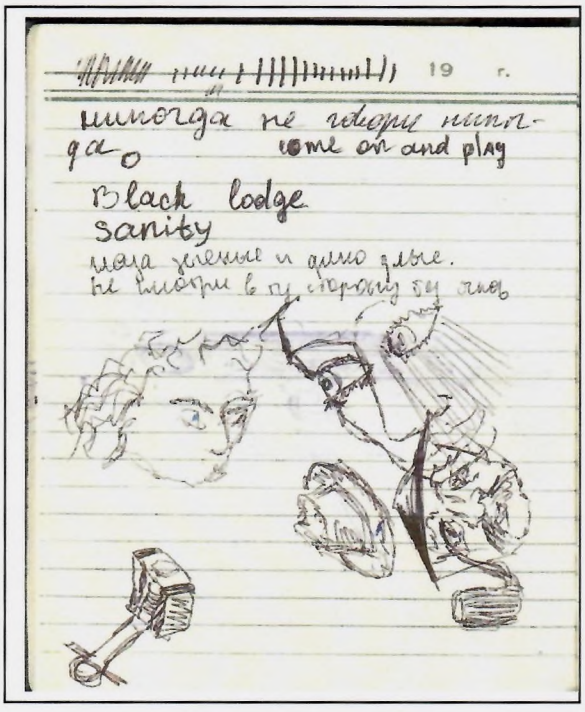
Мир его душе.

Лидия Захаровна Гортиняк,
ученый секретарь

22.05.93. Меня расчесывает ветер, меня купает только дождь. мне опостыло все на свете, и верю только: ты придешь. Придешь, и ты меня отмоешь, и мил мне станет белый свет. Я жду – вот-вот ты дверь откроешь...Но только нет тебя и нет.

Иногда мне хочется петь, танцевать, играть на гитаре, рисовать, писать, делать что-нибудь очень хорошее очень хорошо, в смысле – профессионально. Но голос у меня не ахти какой, играю я вообще никак, танцую – нет, вообще не танцую, писать – это нужно время, терпение и то, о чем писать. Так что пропадает это желание.

***

Говорить о Саше в прошедшем времени очень тяжело. Просто невозможно представить, что его нет с нами, не хочется в это верить. Кажется, вот сейчас войдет он со своим рюкзаком на плече и станет снова терпеливо и снисходительно обучать нас компьютерному искусству. Все, что мы умеем делать — его заслуга, и ни дня не проходит, чтобы мы не вспомнили его добрым словом.

Хочется верить, что, если Бог посчитал нужным забрать его от нас в таком молодом возрасте, то только ради более высокого предназначения.

Он был всесторонне развитым человеком — одно его увлечение японским языком говорит о многом. Обаятельный, веселый, жизнерадостный, обязательный — таким он и останется навсегда в нашей памяти.

Александра Витальевна Прокофьева,
зав. отделом литературы на иностранных языках

***

С любовью и уважением я относилась к Саше. Как своего сына, просила помочь в том, что касалось компьютерных вопросов. Оргтехника для него была очень доступной в понимании, а для меня слово «компьютер» было неразрывно связано с именем Саша. Как только мне что-то нужно было выписать или купить — я бегу к нему, и не успею сказать слово — он уже пишет мне на листике.

- Только ручку дайте, Галина Ивановна, - шутил всегда.

Я его по-настоящему любила и, мне кажется, я раньше всех начала его называть Александром Владимировичем. Потому что он заслуживал в свои двадцать три года, чтобы к нему относились с огромным уважением. За его доброту, порядочность, ум я ценила его очень высоко. И сейчас каждый день, каждый час он живет в моей памяти. Для меня он всегда с нами.

Галина Ивановна Дидовец,
зав. отделом материально-технического обеспечения

Курск, 1997г. С бабушкой и сестрами.

1991г.

23.06.95. Когда один ученик спросил учителя, как не идти таким (любым, или выбранным) путем, тот ответил ему: иди другим. Иначе говоря, чтобы не думать о белом медведе, нужно думать о зеленом верблюде. А значит, начинаю думать в другую сторону. Но среди всех сторон нет разнообразия. Куда бы я ни думал, в конце концов попадаю или в никуда, или в плохо. А поскольку Homo Sapiens – существо думающее, очень трудно удерживаться от этих двух результатов мысленной деятельности. У большинства – (и у меня в том числе) – траектория мысли представляет собой замкнутую кривую, (буду надеяться, что не у всех работа на ней равна нулю). У немногих несчастных получается думать перпендикулярно всему – в четвертом измерении. Наиболее больные из них могут, наверное, использовать для мыслей и гораздо больше измерений.

●●●

Саше

Вечерами тревожно и душно,
Время тянется — длинная нить.
Хорошо, что мне больше не нужно
О небывшем с тобой говорить.

Посиди, помолчи — мне отрада.
Солнца отблеск горит на стене...
Ничего от тебя мне не надо —
Просто тихо побудь в стороне.

Пусть бы вечность сплеталась и длилась
Без глупейшего: быть иль не быть.
Я за этот январь научилась
Всех живых, как усопших, любить.

И. Груба

Форосский парк. Июнь, 1998г.

25.09.97. Сейчас мне просто грустно, я печален, потому что вчера наступила осень. Я узнал об этом по дождю, по серому хмурому небу, по зябкости автобуса, по пушистому свитеру, по красному зонту в моей руке и по черной вязаной шапке. Я понял это не сразу – полностью только сейчас, - но я не мог больше быть веселым, и я шел по улицам, почти не разбирая дороги, и я улыбался, думая (...), что будет еще лето, будут еще встречи, что все еще впереди...
А впереди был забор, потом двор, потом – еще дырявый забор. А позади двадцать лет жизни, шесть лет существования и неделя хорошего настроения. Но я не оглядывался назад, я решил, что идти надо, и идти вперед, и не обернулся. А мог бы.

Обуховка. Осень, 2000г.

***

Вот уже полгода нет с нами Саши Абраимова. А кажется, что он просто ушел куда-то и вот-вот вернется, и, проходя мимо компьютерного зала, мы снова его увидим через открытую дверь на своем рабочем месте.

По работе я часто сталкивалась с Сашей и меня всегда поражала его готовность прийти на помощь другим. Как бы ни был занят, он всегда объяснит терпеливо и доходчиво, не обижаясь, что порой приходилось объяснять простые вещи не один раз. С ним всегда было приятно работать. От него постоянно исходило тепло и доброта. Казалось, он излучал какой-то внутренний свет, и его хватало на всех: и на родных, и на друзей, и на коллег. Сколько сотрудников, благодаря ему, изучили компьютер, "интернет". А как интересно он вел курсы, не отказывая никому...

Трудно забыть его застенчивую улыбку, ровный, спокойный голос. Он был организатором и участником всех наших праздников, умел веселиться сам и веселить других.

Сколько бы ни прошло времени, мы никогда не забудем Сашу, потому что его нам очень не хватает.

Наталья Ивановна Вакуленко,
ведущий бухгалтер

Светлой памяти Саши

Саша Абраимов. Как много в имени этом...

Многие рисуют себе идеал человека — то, к чему стремишься. Если сравнивать жизнь с восхождением на гору, то цель жизни - это нечто, заставляющее тебя подниматься вверх и дающее тебе силы; а идеал человека — вершина, к которой ты идешь всю свою жизнь, без которой не можешь существовать. Для кого-то идеал — гражданин, а для кого-то — обыватель. Для многих из тех, кто знал Сашу, он являлся идеалом, которому хотелось подражать. С Сашей было очень легко и приятно общаться. Этот человек обладал удивительным спокойствием, большими знаниями и недюжинным умом.

Он был прекрасным учителем. Я вспоминаю, как Саша обучал сотрудников работе на компьютере. Какими мы все были несмышленышами! Но он терпеливо показывал одну операцию за другой, затем каждый из нас повторял, - и так до тех пор, пока все не овладевали знаниями. Саша всегда был спокоен, уравновешен, всегда с легкой улыбкой на устах. В моей душе он запечатлен именно таким.

Человеческая память несет в себе огромную энергию. Она прочно сохраняет то, чего уже нет, что было и прошло.

Память о Саше навсегда сохранится в моем сердце.

Татьяна Николаевна Мищенко,
Зав. патентно-техническим отделом

На даче.

Толковый словарь бестолковщины

АВТОСТОП – гвоздь.
БАЛКА – светская женщина.
БЕТОН – безголосый певец.
БИЗОН – ЗК-рецидивист.
БУЛЬДОЗЕР – 1) –ответственный работник очистительных сооружений;
2) –слепой бармен.
ВОЛГА – единица выработки ресурса гужевым транспортом в земледелии.
ДОМОВОЙ – сильное недовольство жены.
ДОСКА – секретарь с оптом работы в DOS.
КАЧОК – маятник.
МЕДАЛЬ – пасечник.
МЕХАНИЗМ – страсть к меховым изделиям.
ОПЕЛЬ – фокусник.
ПАРОХОД – вечерний променад.

ПОДОКОННИК – 1) –несчастный влюбленный;
2) –уборщик конюшен, (младший конюх);
3) –манеж.
ПРИДУРОК – опекун душевнобольных.
ПРОРУБЬ – окно в Европу.
САМОВАР – холостяк.
САМОСВАЛ – студент-прогульщик.
СТУПЕНЬ – тупой студент.
СУМКА – неглупая девушка.
ТЕПЛОВОЗ – душевный таксист.
УЧАЩИЙСЯ – активист движения «Назад к природе».

Из английской лексики

БУЛКА – корова.
ЛАВКА – любовница.

Встреча с друзьями Нового 1999 года.

День рождения у друга, 1997 г.

Лехе посвящается:

Прекрасен утренний облом,
Да и дневной облом не хуже,
Вечерний тоже ничего,
Но круче ночью обломаться.

Ода
(на рождение Алексея)

В степи, среди высоких трав,
Вдали от всяких рек теченья
Стоит поселок ПТП,
Пять тысяч где-то населенья.

В поселке этом полевом
Раз как-то случай приключился,
И девятнадцать лет назад
Бутырский Леша там родился.

Счастливо детство пролетело:
друзья, степь, дом и виноград,
Потом отрочество приспело,
Метнув назад веселый взгляд.

Всего семейства славных качеств,
Что в Лехе есть – не перечесть:
Раскованность, открытость, щедрость,
Отвага, совесть, ум и честь.

Всегда готов подать вам дружбы руку,
Всегда приветлив и терпим,
Даю вам слово на поруку:

В любой час дня он есть таким.

Готовит чудно он (но редко),
Не терпит грязи он (в душе),
На выпад он ответит метко
И музыкант почти уже.

Как есть блондин. На редкость строен,
Он сухопар, не ест почти,
Роскошный хвост на нем устроен
Плюс римский профиль, ты учти.

И ты поймешь, коль не тупица –
пределов совершенству нет,
Но позабыл одну вещицу
Недобросовестный поэт.

Наш Алексей – поклонник рока,
Металлика – его кумир,
Попса, эстрада – все побоку,
Пусть рок-н-рольным будет мир!

1995г.

Вечер в библиотеке, 1998г.

Памяти Саши Абраимова

Лучезарная открытая улыбка, озорной взгляд, но очень умный и проницательный. Стремительность в походке, внимание и доброта к окружающим, порядочность и аккуратность во всем. Всегда в пути, всегда налегке — только с рюкзаком. Все ветра должны были быть тебе только попутными, потому что ты никогда не падал духом, не отчаивался, по-философски подходил ко всему. Только спешил все время: все успеть, все сделать, всем помочь.

Добрый, милый мальчишка, ведь твоя весна с белой накипью цветущих садов была еще впереди... Еще столько шампанского не раскупорено за твои очередные гранты и успехи. Мы еще многому должны были у тебя научиться, у тебя — молодого юноши, так оборвавшему своим неожиданным уходом наши, любящие тебя, сердца. Время опередило твою жизнь. Так не должно было быть: слишком рано, столь неуместно, так несправедливо...

Когда «зависают» компьютеры, у всех нас в устремленном взгляде на монитор один и тот же вопрос: «Где же ты, наш Саша?» Ведь ты всегда прибегал по первому зову на помощь. Когда случалось у кого-то из сотрудников несчастье в семье — все отделы оказывали помощь. И когда заходили в твой отдел, ты отдавал все заработанное без остатка, до рубля, - мол, заработаем еще, а человеку надо помочь.

Мы помним, когда в первый раз в нашем отделе МБА ты устанавливал компьютер. Зашел с ним в руках, как Дед Мороз или Санта-Клаус с подарком, - такой юный, стройный, с застенчивой улыбкой, но с таким таинственным «ящиком», что мы просто оробели. И на клавиатуре было налеплено: «Ты вымыл руки?» Мы посмеялись тогда, а потом многое поняли: ведь так ты и по жизни шел с чистыми руками, с чистым доверчивым сердцем, с чистыми добрыми помыслами.

Сколько же в тебе, при всей твоей занятости, было внимания ко всем! Причем неважно, кто это был: твои ровесницы — девчонки-коллеги или мы — коллеги уже в возрасте твоей мамы. Всегда ты находил в своем сердце и внимание, и теплоту, и такт, и дружеское приветствие. Помним, как мы на мониторе читали твою приветственную открытку, когда ты был в Крыму, лазал по своим горам — но помнил своих библиотечных друзей. Наверное, не каждого человека тянут к себе горы. Туда идут смелые, гордые, чистые, благородные, свободолюбивые и жизнерадостные.

Ты любил жизнь, своих самых любимых людей — семью, любил друзей и коллег по работе. На праздничных вечерах в библиотеке все тянулись к тебе: ты поражал своей, казалось бы, недоступностью, но в то же время — искренностью и открытостью, своим артистизмом. Как не помнить великолепные концерты на «ура» с твоим участием? Никто не мог так озвучить сценарий, так профессионально «войти в образ».

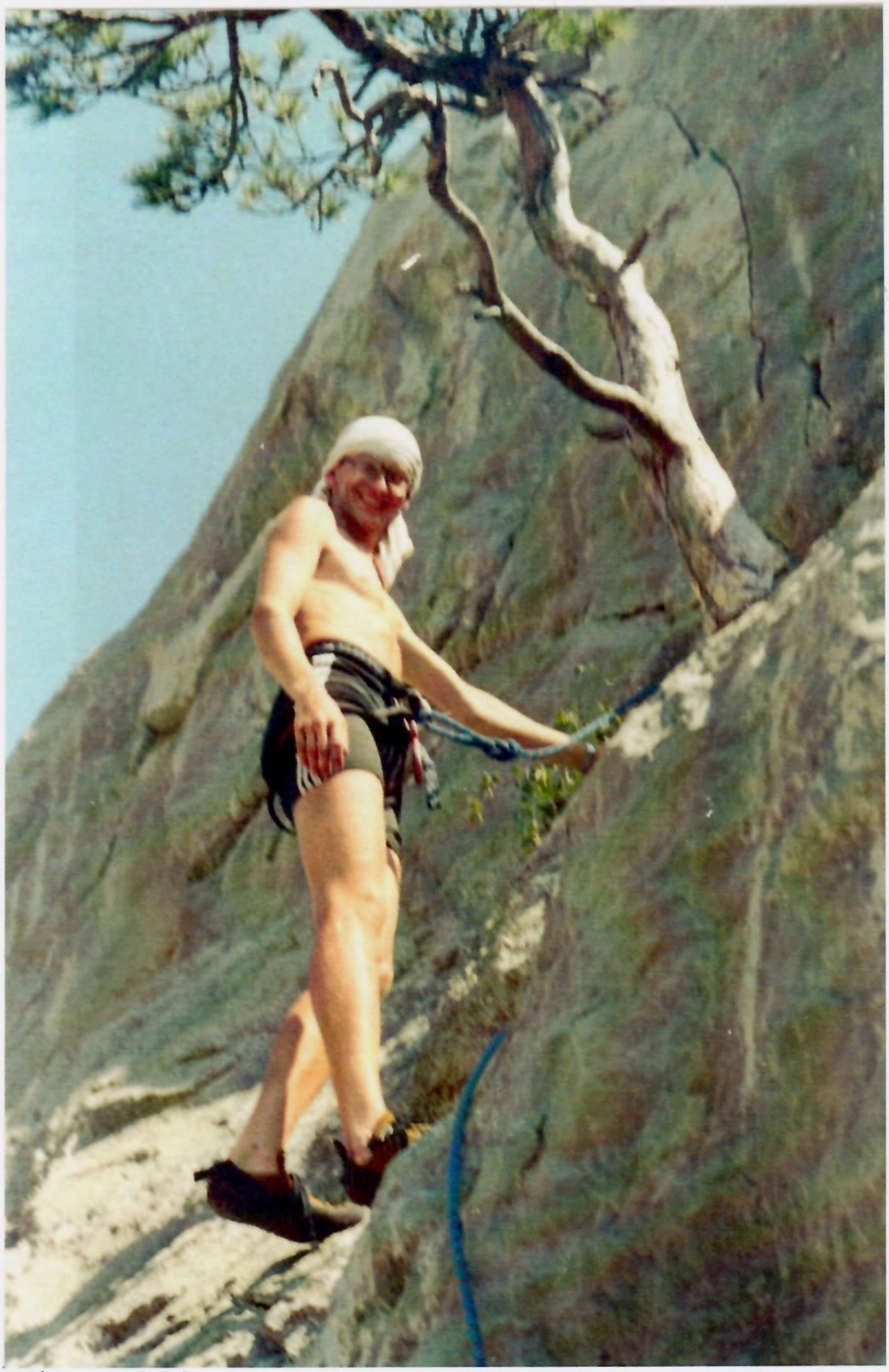
И этот Новый год – 2001... Наш «белый змей», ведь этот год должен был быть твоим хранителем. Только, видно, по восточному календарю он еще не наступил, не успел... А вот ты, Саша, успел за столь короткий стремительный миг своей жизни оставить столько света и добра людям, которые были рядом, которые тебя любили, которые тебя запомнят таким, каким ты был для всех нас!!!

Сотрудники отдела МБА

Сарыг. Август, 1996г.

Крым, 1999г.

25.05.96. Иные праздники заслуживают отдельного большого рассказа. Начать хотя бы с того, где я их провел – а провел я их в Крыму, недалеко от Фороса. И остался сказочно доволен. Это, пожалуй, был у меня самый лучший отдых за последний десяток лет. Впечатлений – на три года воспоминаний, /.../ от которых на душе становится легко и хочется улыбаться. А какие там люди! Боже, я их всех обожаю. Втихаря. А люди действительно замечательные.

Сказать о природе, о нашем отдыхе там в двух словах – не сказать ничего. И для меня даже всеобъемлющий возглас «О-о-о!» не сможет передать всего очарования гор, запаха дыма от каких-то особенных дров, от которого так хорошо, что нельзя выразить, прозрачности воздуха, оранжевой луны над самым горизонтом, прелести диких пионов, растущих у подножия гор, гладкости коры бесстыдницы, чувства, которое испытываешь, взобравшись по скале на вершину... Все это было и есть сейчас у меня в памяти. Она, может быть, не так точно, как фотография сохранит образы, но ощущения – ощущения будут наилучшими. Откровенно говоря, не слишком хочется подробно описывать наш быт – стоянку, палатки, кухню, колодец, обеды, ужины, занятия... Все это можно рассказать за пивом, в манере – «вот был такой случай», - удивить друзей, похвастать переживаниями.

Короче, то, что я писал здесь год или два назад – про водоросли, камни и море, - то, о чем мечтал я все это время, то, что так часто мне снилось, - все это было, и было со мной.

Мой полуостров

Сарыч. Август, 1998г.

Тафханкут. Август, 1997г.

Сарыч. Август, 1998г.

Скала «Парус». Август, 1998г.

Сафы. Август, 1998г.

Тарханкут. Август, 1997г.

***

...Есть люди, пообщавшись с которыми однажды, хочется общаться еще и еще. Именно к таким и относился Саша Абраимов. От него исходил какой-то глубокий внутренний свет. Меня всегда удивляло: в таком молодом парнишке столько терпения и такта, столько жизнелюбия. Он был непосредственным и открытым.

Несправедливо! Несправедливо и обидно, что такие люди очень рано уходят...

Ирина Ивановна Бакум,
библиотекарь отдела читальных залов

***

Непростое это дело — писать о человеке, которого знаешь. Еще сложнее написать о том, кого не знаешь. Есть только ощущения.

Если говорить о Саше, то у меня возникает образ улыбчивого молодого человека, всегда готового прийти на помощь. Это первое яркое впечатление. А потом еще оказалось, что он обладает оригинальным чувством юмора, прекрасными актерскими способностями — всегда активный участник всех мероприятий, проходящих в библиотеке.

В общем, Саша — это человек, одаренный многими талантами. Уж кому-кому, а ему, казалось, жить да жить! Казалось, его ждет блестящее будущее... Вот мы и вступили в третье тысячелетие...

Трагический уход Саши повергнул в шок. Я плохо его знала, но смерть Саши перенесла очень тяжело, как будто потеряла близкого мне человека. Вот и все...

Галина Николаевна Агафонова,
сотрудник отдела читальных залов

***

Вот уже два года, как нет Саши, а все не верится... Это был великолепный Человек. — Человек с большой буквы.

Саша остался в памяти неутомимым тружеником, ведь ему все хотелось познать; все свои силы он отдавал работе: внедрению информационных технологий в повседневную жизнь библиотеки.

Саша был эрудированным, культурным, вежливым молодым человеком, постоянно стремившимся глубже овладеть своей профессией.

Такой всеобщей любви немногие удостаиваются в столь молодом возрасте. Как ярко и самоотверженно прожил он свою короткую жизнь!

К сожалению, смерть-воровка не считается ни с чем, забирая от нас людей молодых, нужных и дорогих сердцу.

Его жизнь достойна подражания.

Елена Ивановна Погореловская,
швейцар

Вечер в библиотеке, 1999г.

7.11.96. Когда приходит осень, я становлюсь другим. Я начинаю носить теплый свитер, кожаную куртку и по утрам завязываю горло шарфом. Мне покупают ботинки на зиму. Я отращиваю длинные волосы и начинаю бриться два раза в неделю. У меня в голове творится кавардак; по ночам просыпаюсь от жажды и жары, а вечерами промерзаю отвратительнейшим образом.

Но все это потом, когда чувство приближающейся зимы заставляет ненавидеть осень и с нетерпением ждать весну. А в начале осени я вспоминаю лето. Август. Я вспоминаю, умильно улыбаясь собственным мыслям, о море, о горах, о костре, о том, как говорили до самого утра, о том, как купались целыми днями... И вот с первыми заморозками начинает ныть сердце; каждый теплый день до боли напоминает лето и таит в себе намек: все проходит, все уже прошло, того, что было, не вернуть – забудь же!.. И вступает в силу осень. Еще не изгладились воспоминания, еще не всем показаны снимки, а уже кажется, что это было так давно... Рука тянется к ручке, душа... Нет, душа не тянется ввысь. Душа... Есть ли она вообще? На бумаге появляются обрывки мыслей – иностранные надписи и странные значки... Но это – ложь. Чистая, от всего сердца ложь. И кажется, что осень не пройдет. Вспоминается прошлая зима – о, Господи, неужели нас это ждет опять? – это невыносимое, день за днем, ожидание: когда? Когда будет тепло? Где оно, солнце? Теплый ветер, река, чистый воздух? А воображение несет меня дальше – туда, где заканчивается весна, где сессия, комары и невыносимая жара, круглые сутки...

Опять не то! Но скажите, если бы не зима, лето и осень разве я любил бы так апрель, разве ждал бы так май?

23.03.95. ...вечером всю дорогу любовался закатом. Он был просто великолепен: желтое небо с зеленоватой подсветкой по бокам, красные облака, переходящие в фиолетовый и дальше в синий цвет предвечернего неба. Тут же вписался зеленый сигнал

светофора на фоне березы без листьев... Я бы не смог нарисовать так – слишком красиво. А обыкновенные лужи? Вы видели когда-нибудь, как в них отражается закат? Если нет, то много потеряли, если видели и не обратили внимания – мне вас жаль.

Дн-ск, 14.11.1996г.

Коренная Пустынь (Курская область). 2000г.

Поэтические опыты

●●●

Лицо в окне – в окне пустого дома
Я увидал, и испытал испуг.
Оно – как старый лист на ветке клена,
Оно – как в детстве позабытый друг.

Я шел домой и не смотрел на лица –
На лица тех, кто шел навстречу мне...
Такое и в кошмаре не приснится:
Я увидал лицо – лицо в окне.

Кто это был, как он там оказался? –
Зачем мне знать? Мне это знать зачем?..
Но дом огромный с ликом не вязался,
И я стоял, как столб, став глух и нем.

Зияли всюду темных окон дыры,
Крыльцо и дверь, и света нет нигде...
Какие зодчие, какие бригадиры
Тот дом построили, назло какой беде?

Он и красавец, и слепой калека:
Среди очей – один всезрящий глаз.
Что это, школа? Нет – библиотека,
Я, кажется, бывал в ней как-то раз.

И я подумал что-то о вампирах,
О вурдалаках, упырях, ворах...
Я чувствовал, как исчезают силы
В моих, вдруг ставших ватными, ногах.

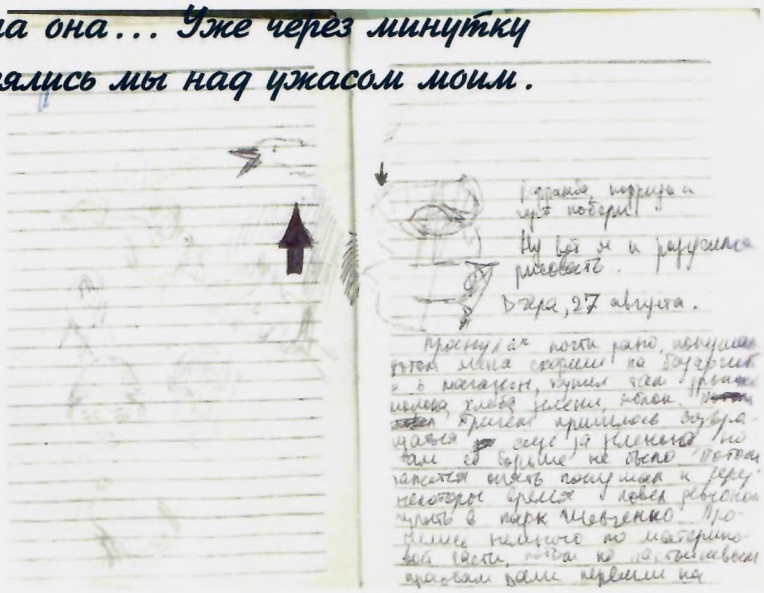
Заметил он и поманил рукою,
Я подошел к нему и стал в дверях,
И свет, что теплился во тьме покоев,
Мелькнул в моих распахнутых глазах.

Дверь отворилась. Он стоял спокойно.
Он пригласил войти — и я вошел,
Вполголоса ругаясь непристойно
По адресу библиотек и школ.

Мелькали тени на стекле рифленом,
Лишь свет и тени — больше ничего,
И, порожденные соседним старым домом,
Летели звуки — звуки из кино.

Я был не прав. Да, этот лик был светел,
Да, одинок и бел — из-за окна.
Но не мужчина здесь меня приветил,
То был не он, нет — то была она...

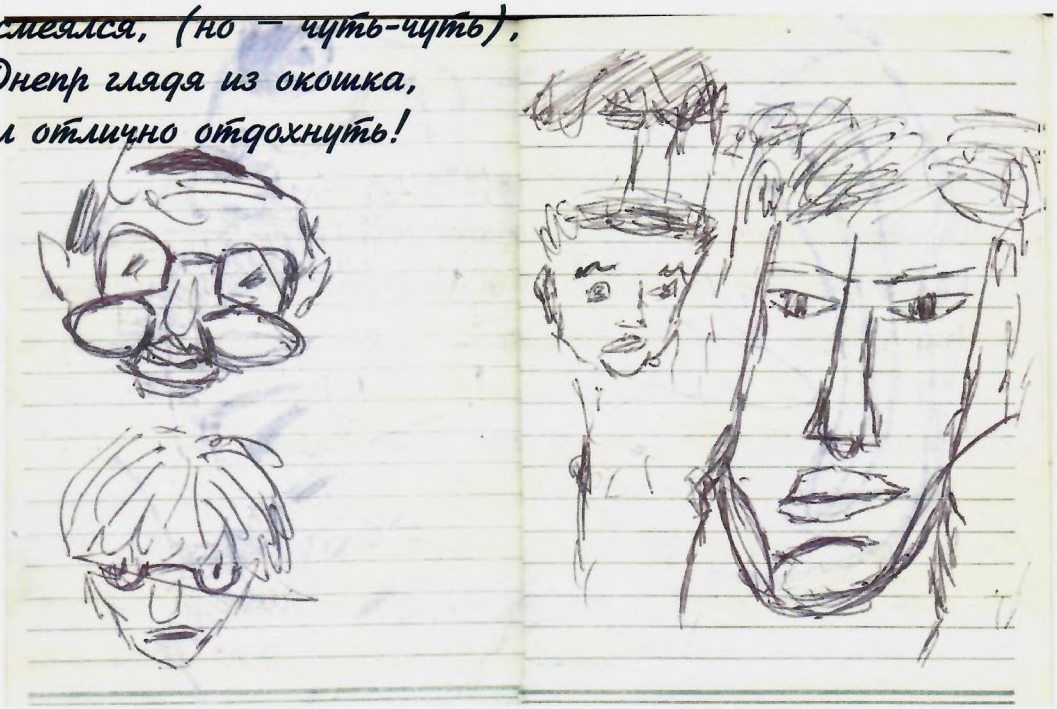
Сыграло здесь воображенье шутку:
Не Дракулой, а сторожем ночным
Была она... Уже через минутку
Смеялись мы над ужасом моим.

Сегодня, 27 августа.

●●●

Отличный плюс для дня рожденья:
Я замечательно поспал,
Попил воды, поел печенья,
Послушал песни, поскучал.

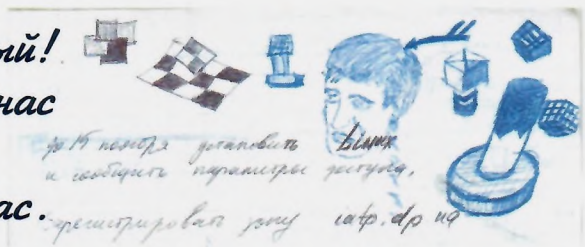
Поговорил - (совсем немножко),
И посмеялся, (но – чуть-чуть),
На Днепр глядя из окошка,
Сумел отлично отдохнуть!

●●●

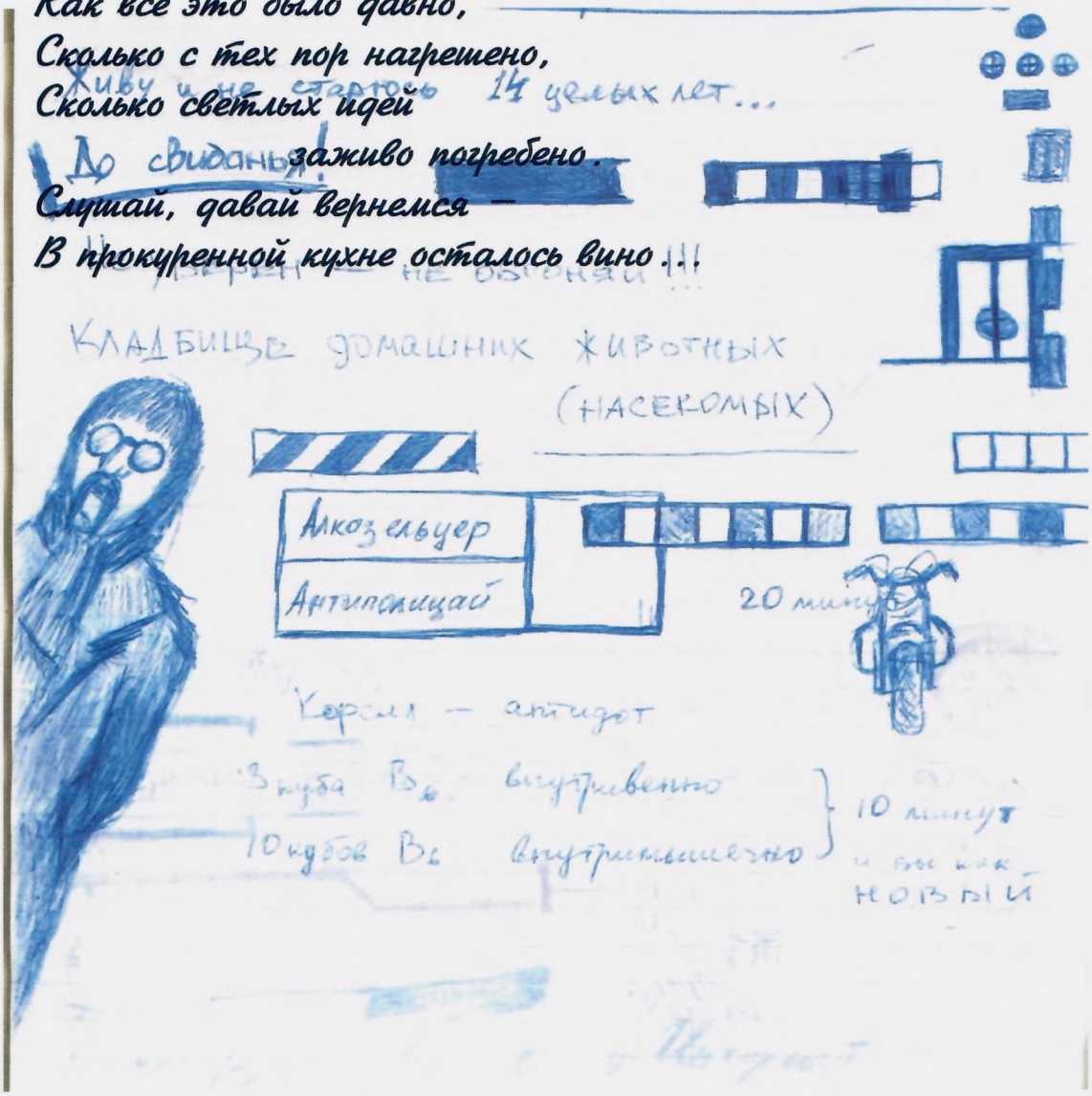
Красив лицом и телом строен,
Ты - остроумен и умен,
Дурного слова недостоин,
Отважен, быстр и силен.

О, идол наш непревзойденный!
Будь другом - снизойди до нас
И разреши несовершенным
Тебя поздравить в этот час.

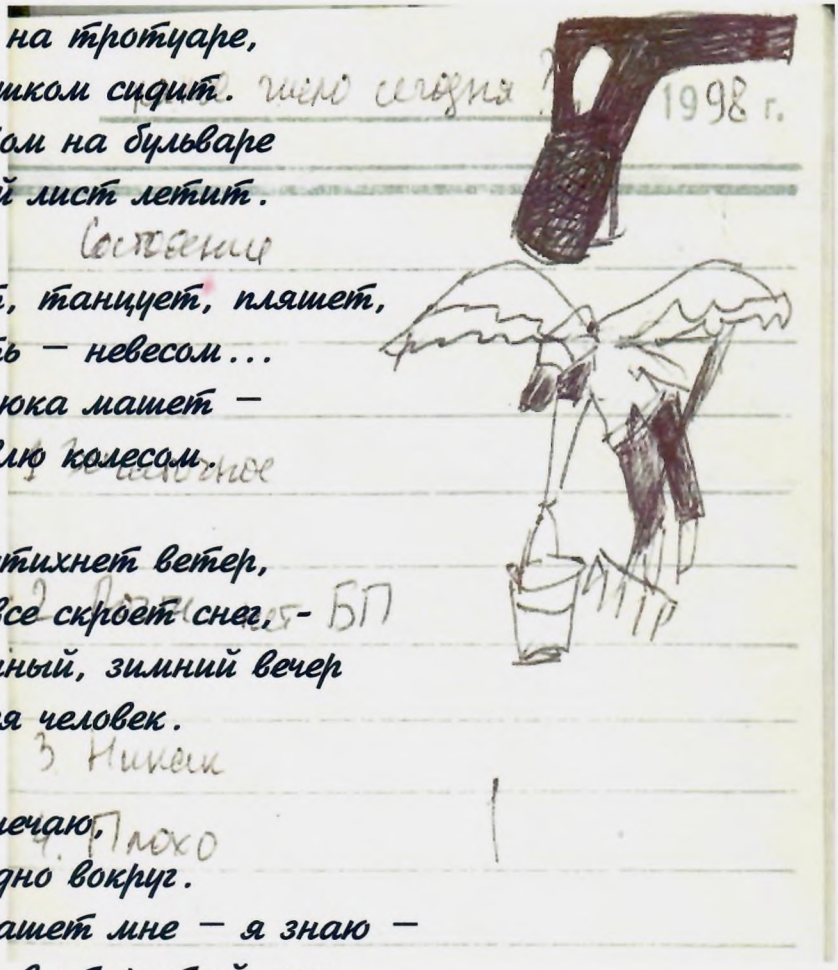
●●●

Как все это было давно,
Сколько с тех пор нагрешено,
Сколько светлых идей
До свиданья! заживо погребено.
Слушай, давай вернемся —
В прокуренной кухне осталось вино!!!

●●●

Открытый люк на тротуаре,
И кто-то рядышком сидит.
А над проспектом на бульваре
Осенний желтый лист летит.

Летит, кружит, танцует, пляшет,
Не хочет падать — невесом...
Мне человек у люка машет —
Я грудь расправлю колесом.

Лист упадет, утихнет ветер,
Придет зима, все скроет снег.
И в тихий, темный, зимний вечер
На свет родится человек.

А я иду, не замечаю,
Как стало холодно вокруг.
Но тот, кто машет мне — я знаю —
Не даст упасть в открытый люк.

Удачи наобум идущим,
Удачи замкнутым в себе,
Удачи их у люка ждущим,
Удачи, друг мой, и тебе.

●●●

Кто мог подумать, что так станет,
Что все изменится так вдруг,
Что сердце вдруг любить устанет,
Что станет незнакомцем друг?

Кто мог подумать, что так скоро
Ты в корне изменишься сам,
Что станет ненавистен город,
Что будешь ездить по лесам?

Что полувраг тебе откроет
Глаза на новый мир – смотри! –
Кто знал, что жизнь все так устроит...
Да что уж! И не говори...

●●●

Четыре косточки от сливы
Лежат у чашки на столе.
Четыре косточки от сливы
Лежать могли бы и сто лет.

А рядом чайник для заварки
Стоял бы, ложка и судок,
Бочонок с сахаром неяркий
И недоеденный пирог.

Но гигиену постоянно
На кухне надо соблюдать,
И мне, порассуждав пространно,
Придется косточки убрать,

И вымыть блюдце, чашку, ложку,
Поставить в хлебницу пирог
И подмести потом немножко,
А заодно – помыть судок.

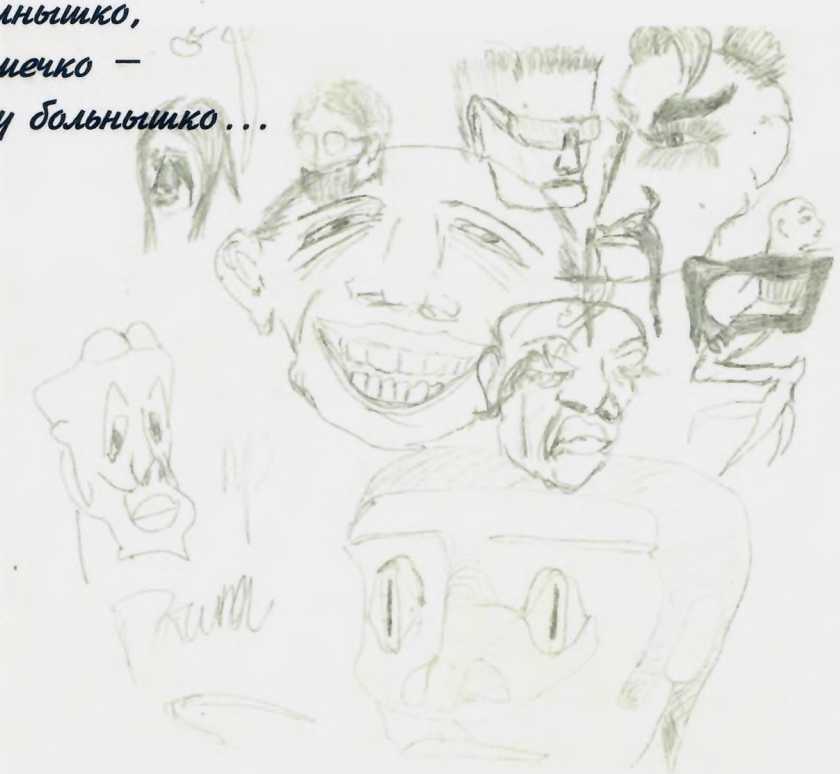
И сразу станет очень чисто,
И сразу станет хорошо,
И будет так еще лет триста,
А может быть – всего лишь сто.

●●●

Вот стоит – чуть качается
На ветру да от водочки.
Держит в правой стаканчик он,
В левой – банку селедочки.

А глаза – с поволокою,
А рубашка расстегнута.
Мысли, ой, неглубокие –
На одно все повернуты.

Огляделся маленечко,
Увидал красно солнышко,
Ухватился за темечко –
Очень, знать, ему больнышко...

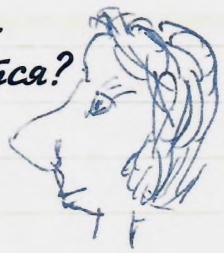
●●●

Ласточка, нахохлившись, сидит на мокрой ветке,
Солнышко за тучами светит редко-редко,

Ветер, почти северный, насквозь продувает...
Ах, ну почему же все весна не наступает?

Ветер переменится – с неба снег посыплется...
Как такой погодою можно не пресытиться?

На деревьях почки все не распускаются...
Почему, скажите мне, весна не начинается?

Где вы, птицы певчие, теплая погода?
Неужели даром мы ждали вас полгода?!

Холоду промозглому долго ль еще длиться? –
От тоски недолго ведь взять и удавиться...

ОИ. 06.89.

●●●

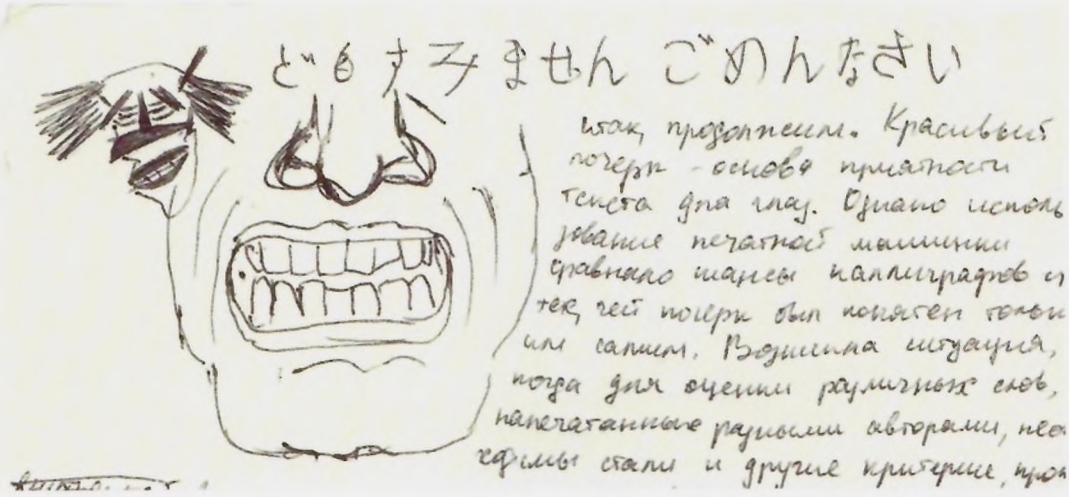
Ты бредешь в никуда, головою поник.
Все, приехал – иссяк здравых мыслей родник.
Он иссяк – ты иссох, you are full of hot air.
Разучился искать. How I wish you'we not there.

Разучился летать – наловчился мечтать
И гнилою душой в облаках ты опять.
Ты живешь НИЗАЧЕМ, нужен ты НИКОМУ,
Ты поешь НИ О ЧЕМ, учишься НИЧЕМУ.

Ты влюбился, никак; но заветного да
Никакому тебе не слыхать никогда...
Для чего же ты есть? Ты не знаешь, зачем;
Ты не видишь причин очевидных проблем

Ты не глуп – не умен, ты не слаб – не силен,
Не урод – не красив и не туп – не сметлив.
Ты искал – не нашел выраженье себя...
Ты – (проклятье!) – есть Я.
Ненавижу тебя!..

.

●●●

Вот пришел Новый год. Я на стуле сижу,
Предо мною тетрадь и в нее я гляжу.
Прочитал только что прозу старых страниц –
Умиленья слеза не коснулась ресниц.

Мне не стало светло, мне и легче не стало,
Но дурная башка вдруг болеть перестала.
Я сидел, вспоминая вехи жизни своей
И знакомых своих – дорогих мне людей.

Все умчалось, прошло. Я остался один –
Повелитель фигни, чепухи властелин,
Дно немереной бездны, потолок небосвода,
Альпинист-скалолаз и спасатель на водах.

А на старых страницах – треки черных чернил:
Вот я кляксу поставил, вот тире пропустил,
Вот сказал чепуху, ну а здесь я солгал,
Почерк вот не пойму – видно, очень устал...

Разноцветные лица черно-белых страниц!
Вам хочу поклониться, павши под ноги ниц.
Вы – мой след в этом сне, вы – мой немощный вклад
В эту старую жизнь и в привычный уклад.

●●●

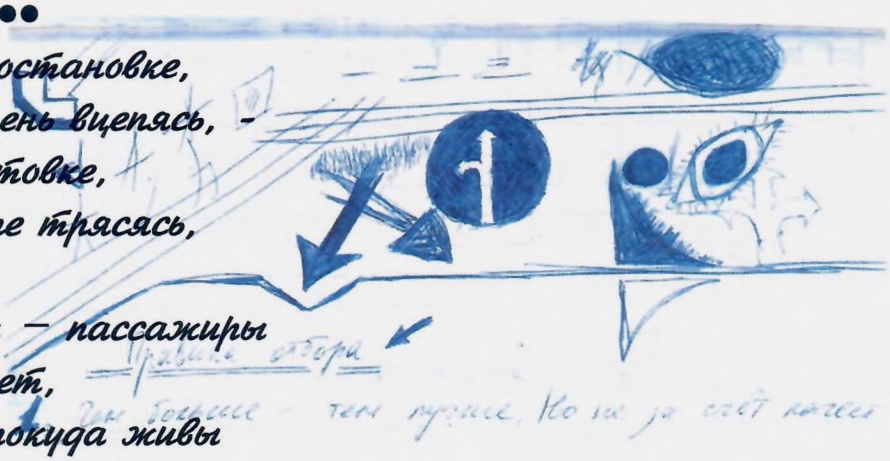
А иногда бывает - мы умираем,
Нас выжимают, и сил нет терпеть.
А мы уходим к другу, и «Беломор» - по кругу,
А мы берем гитару и начинаем петь.

Я пою эти песни и их очень люблю,
Хоть я петь не умею, хоть фальшивлю, хриплю,
Но, наверно, не смог бы отказаться от них —
Задушевных, красивых, громких, тихих, хмельных...

Я пою эти песни, хотя мог бы молчать,
Я пою эти песни там, где мог бы кричать,
Я пою, хоть у многих быстро уши завянут —
Я, наверно, в гробу только петь перестану.

●●●

Идешь ли утром к остановке,
Стоишь ли, в поручень вцепясь, -
Не забывай о подготовке,
Не забывай, в толпе трясясь,

О том, что все мы – пассажиры
И не у каждого билет,
И в том, что мы покуда живы
Заслуги нашей, в общем, нет.

Предъявите билеты, господа пассажиры!
И в развернутом виде документы, да-да!
Да, я знаю, сейчас не до жиру,
Но работа такая. Это - жизнь, господа.

Наш вагон переполнен, наш вагон наклонился,
За открытою дверью отвисает народ...
Предъявите билеты, господа пассажиры!
Не толкайтесь в проходе! Проходите вперед!

Господа пропустите – ручка здесь, ножка там.
За проезд заплатите – дядя, это я к вам.
Как «не буду»? Водитель! Тут платить не хотят!
Так что, дядя, сходите. Это Вам говорят!

...Но шел вагон без остановок.
Не успеваешь – торопись
Есть пункт посадки, есть – где сходят...
Господа, это – жизнь.

●●●

(социально-бытовой стишок)

Две чашки – с чаем и вареньем
Кусочек хлеба на столе:
Я занялся самолеченьем –
Я простудился, заболел.

На дне рождения на даче –
Большой, красивой, но с водой,
Отсутствующей там, горячей –
Провел последний выходной.

Там было очень интересно –
Магнитофон, фуршет, друзья,
Студент, гитара, много песен...
Но был в том празднике изъян.

Да не изъян, а так – изъянчик:
Камина нет и печки нет.
Я выпил коньячку стаканчик –
То был мой холоду ответ.

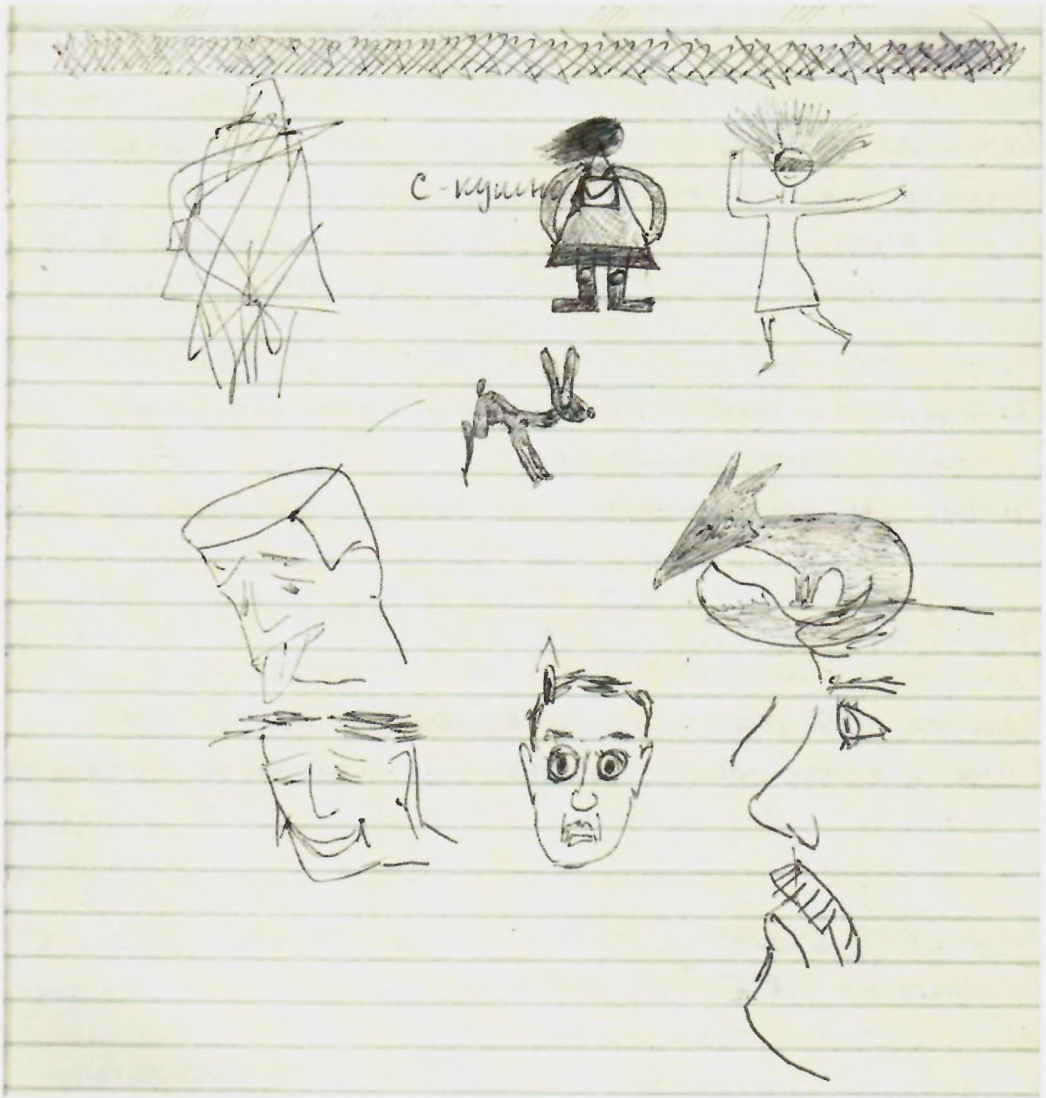
Играл я в теннис, песни слушал,
Я пил вино и танцевал,
Шашлык «от Феди» также кушал
И вот, в конце концов, устал.

И я лег спать. Нас было восемь,
Мы на полу лежали вряд.
Пускай нам тесно было очень –
Зато тепло и сладко спать.

А поутру вдруг оказалось,
Что горлышко мое болить,
И все, что делать оставалось –
Горячего чайку испить.

И вот я дома три дня кряду,
Я пью чаек, варенье ем
И за уроки я не сяду,
Пока не допечет совсем.

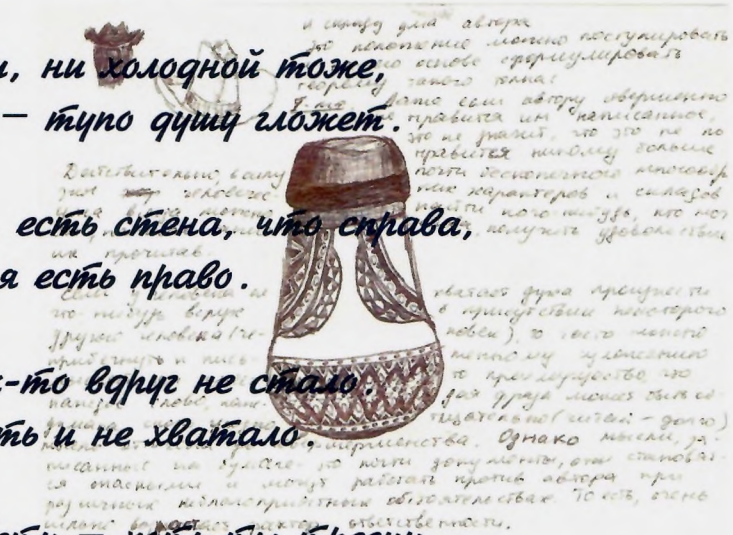
17.12.1996.

●●●

Ортогональный мотив, гексагональный сюжет –
Ничего красивши больше в мире нет.

Есть дыра, обои, тусклой лампы свет,
А тепла на сердце, как и сердца – нет.

Нет ни теплой встречи, ни холодной тоже,
Лишь тоска – зараза – тупо душу гложет.

Есть труба под боком, есть стена, что справа,
А еще на отдых у меня есть право.

Времени вот тоже как-то вдруг не стало.
Раньше было много, хоть и не хватало.

А теперь вот нету. Нету – хоть ты тресни.
Забывать уж начал старые я песни.

И здоровья нету, и ума все меньше...
Говорят, взрослею. Только мне не легче.

И хожу по свету – нуден и невесел,
И плыву по жизни без руля и весел.

●●●

Открыть бы окошко да плечи расправить
И в теплые брюки футболку заправить,

Надеть сапоги на сухие портянки
И на рюкзаке подогнать лучше лямки.

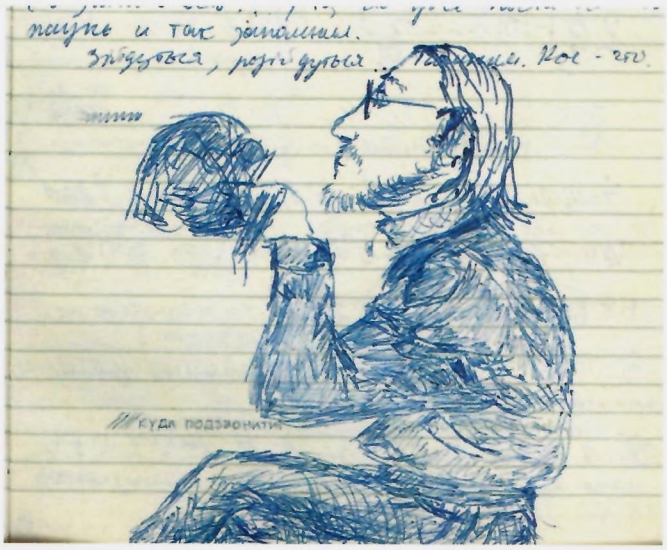
Найти бы штормовку, палатку, подстилку
И в поисках денег разбить бы копилку...

Собрать бы рюкзак, у окошка поставить,
Все мысли плохие на свалку отправить

И сесть на окно, свесив ноги наружу,
На брюках ремень затянуть бы потуже,

И так посидеть, поболтать бы ногами,
И вспомнить друзей, попрощаться с врагами,

А после – уйти и шагать бы по свету...
Да только на все это времени нету.

●●●

Нет чувств глубоких и в помине –
Сплошные тлен и суета,
Как в неумелой пантомиме,
Как в танце желтого листа.

О, скука! Ты - моя отрада.
О, злоба! Ты – мой верный путь,
Где каждый раз решать не надо,
Куда же дальше повернуть.

Я обмелел. А был ли глубже?..
Спросить легко, а где ответ?
И что мне делать, если нужен
Мне друг – каких на свете нет...

Я – танцующий на дороге

Красный шлем, мотоцикл ревущий,
Под колеса асфальт летит.
Я бесстрашный, лихой и везучий,
И никто мчаться не запретит.

Я не знаю, что было со мной,
Не волнуюсь о том, что будет,
Не зову никого за собой,
Голос мой никого не разбудит.

Кто-то спит за рулем, кто-то дремлет,
Я – бессонница в чистом виде,
Я – недремлющий ужас дороги,
Я повсюду, но я невидим.

Если были вы в полудреме,
То могли увидать меня:
Я – танцующий на дороге,
Брат пожара и сын огня.

Не исследован, не разгадан –
Я живу на дорогах всех.
Я – танцующий на дороге,
Слышен в звуке сирен мой смех.

Я танцую – дай Бог немногим.
Я изящен, как легкий дым.
Но увидев меня на дороге,
Вам недолго ходить живым.

6.06.1995.

ABUSING
SOMEHOW

11.10.93. . . .Мы сегодня слушали о Блоке, о его Прекрасной Даме, Прекрасной Незнакомке. Мне думается, что это не восхищение какими-то конкретными женщинами или женщинами вообще, а его мечта о Женщине, которую он не встретил, о всем том, чего так мало в окружающих женщинах, и что так хочется видеть в каждой из них.

3.12.93. Мысли кружатся, прыгают и не хотят искать нужного пути, а то часто вообще никаких мыслей — обрывки мелодий, картинок, образов, воспоминаний — белый шум.

Жду не дождусь чего-то очень важного, значительного, неожиданного, что должно со мной случиться. Я не имею в виду смерть — ее я жду параллельно. Но, пожалуйста, пусть что-нибудь такое случится со мной еще при жизни.

Белый сон

Этюд

Мои заметки скорее похожи на этюд, чем на воспоминания. Тем более, что мои немногие, к сожалению, впечатления опираются на размышления и дополнены воображением, интуицией, ассоциациями...

Иногда мой взгляд задерживается на идущих школьниках, с сумками или ранцами за плечами. Какие они, чего хотят, над чем сейчас смеются, куда идут? Почему плачет эта девочка? Она идет одна, а стайка ее ровесниц — впереди. Она наедине со своей маленькой бедой или обидой. Когда я решаюсь к ней подойти, заговорить с ней, утешить — она вдруг убегает и, уже смеясь, присоединяется к подругам. Другие в таких случаях начинали еще сильнее плакать, некоторые рассказывали о своих заботах: учительница поставила двойку ни за что, подружка ушла к другой девочке после уроков, сильно болит ухо...

Лет 15-16 назад я увидела в нашей библиотеке ясноглазого мальчика, в очках и с ранцем за плечами. Он просто прошел мимо, взглянув на меня. Я остановилась, посмотрела ему вслед. Поняв, что он — сын кого-то из сотрудниц, я не спешила узнать, кого именно. Меня занимало другое: в его облике, походке, взгляде не было того, что обычно встречаешь в детях 7-8 лет, особенно в мальчишках этого возраста - бездумности, озорства, смешливости.

Позже я еще не раз видела его в библиотеке — сосредоточенного, нежного, с мягким и ясным взглядом...

Пришел день, который остановил время. Я это испытала. И это хуже, чем боль. Таких дней было в моей жизни немного, они словно не мне принадлежат, будто чья-то властная воля — неизбежная и бесстрастная — отнимает у меня будущее.

Я смогла потом лучше, конкретнее, точнее понять, что я чувствовала, глядя на этого мальчика. Он вызывал уважение. Да, это самое первое и самое верное чувство! Не сказав мне ни слова, пройдя мимо и лишь посмотрев - внимательно и серьезно — мне в лицо, - он вызвал у меня уважение! Шел человек, который умел ходить. Да, есть и взрослые люди, не умеющие ходить. Как бывает сформировавшийся, четкий, твердый почерк — так и походка была у этого мальчика четкой, ровной, легкой. Как у взрослого, независимого человека с достоинством. Тогда я уже знала, что его зовут Саша. Он вырос, рос и его умение слушая — слышать, глядя — видеть; способность убедить, не споря, способность думать, учиться, искать и находить.

К большому сожалению, мне не довелось работать рядом с ним. Видела я его нечасто, но всякий раз при встрече чувствовала его духовную пластичность, сокровенность. Позже я поняла, почему Саше нравилась японская поэзия. Он сам прозвучал, как трехстишие-хокку: раскрываясь в общении не до конца, будил самые благородные мысли, желания, надежды в окружающих его людях; недосказанность его была более выразительной, чем мое многословие...

Все волнения, всю печаль
Твоего смятенного сердца
Гибкой иве отдай.
По горной тропинке иду.
Вдруг стало мне отчего-то
легко.
Фиалки в густой траве.
Басё

Годы шли и проходили так же незаметно, как вода в реке... Саша стал работать в нашей библиотеке. Все такой же ясноглазый, но уже не мальчик, а юноша. Изредка я видела, как он работает, как общается с людьми, разными по характеру и возрасту. И это вызывало тоже уважение, сознание того, что это — личность, все многообразие которой трудно постичь: она — за семью печатями. Общение с Сашей настраивало на правильный лад, как камертон — оно успокаивало и вызывало умиротворение. Тихая, ясная улыбка на Сашином лице — для всех, профессиональная помощь — для всех, готовность и способность внести новое и интересное — для всех. И в то же время его улыбка была для меня загадкой, словно он прощал мне что-то, его взгляд всегда был откуда-то издалека, изнутри. Словно он знал нечто, о чем другим знать не дано...

Сон был потом, когда пришел день, остановивший время.

...Нежно-белая комната с высоким, как небо, потолком; огромные, открытые настежь окна, в них льется легкий белый свет. Я летаю свободно и невесомо, отталкиваясь от воздуха, без всяких усилий, вверх и вниз. «Вот видишь, как я могу, - говорю я, - мне это нетрудно». Я говорю с Сашей. Он где-то здесь, в этой белой комнате, как всегда в очках, со своей светлой улыбкой. А я бесшумно парю вверх, с ощущением белого света у себя внутри. В ответ — только взгляд и улыбка. Но мне нужно, очень нужно убедить Сашу в том, что я могу не просто вот так взлететь вверх, но и: "Смотри, я еще и так могу!" — говорю я и, поднявшись вверх, оказываюсь параллельно потолку, свободно перемещаясь вдоль его поверхности, как птица.

Белый свет струился из окна. Его было много, как бывает много тумана над рекой ранним утром. Окна ничем не завешены, но я знаю, что для них приготовлены занавеси: белые, легкие, прозрачные и пушистые — как перья или облака...

Белый сон остался в памяти в мельчайших подробностях, как явь.

Саша, не выделяясь, выделялся. Он нес в себе нечто состоявшееся, многоступенчатое; в рисунках его поведения просматривались глубина и самостоятельность, знания и ум. И все это без напрочитости, важности, тщеславия.

Парящих жаворонков выше
Я в небе отдохнуть присел —
На самом гребне перевала.
Басё

Саша оставил нам очень много времени для раздумий.

О нашем несовершенстве. О добре и зле.

Для постижения сокровенного смысла жизни и будущего.

И его жизни, которая продолжается «на самом гребне перевала».

Словно на полотне японского художника, оставляющего всегда на полотне возле рисунка незаполненный белый фон...

Людмила Георгиевна Гурай,
главный библиотекарь сектора
редких и ценных документов

17.12.95. Скоро, очень скоро должен закончиться этот мой дневник. Но при всем своем нетерпении я прилагаю минимум усилий к тому, чтобы помочь этому завершению. Увы, увы. Но не надо отчаиваться и падать духом, не надо делать угрюмое лицо и говорить мрачные слова и делать ужасающе пессимистичные прогнозы. Не надо! Пусть все будет, как есть и как станется. Если сегодня плохо – завтра будет еще хуже. Но, может быть, станет лучше! Об этом даже страшно подумать.

В последнее время во мне пробились ростки здорового снобизма и нездоровой небрежности по отношению к будущему. В чем выразилось первое, сказать затрудняюсь, т. к. не уверен, что наверняка знаю, что такое снобизм. А вот второе очень знакомо, не правда ли? Как будто вернулся в старый, (чуть не сказал «добрый»), грязный, но родной и знакомый сарай, где пережил не одну неприятную минуту. И вот ты опять здесь, ты видишь, что с тех пор мало что изменилось, разве что ты сам. Но только ты изменился действительно сильно. Ты читаешь надписи на стенах, сделанные тобой раньше, и не узнаешь почерк. Но хуже то, что непонятен и смысл. Ты смотришь в окно, а пейзаж все тот же: серое-серое-серое... И ты вспоминаешь в который раз, что это уже было, что это уже прошло, хотя каждый раз казалось, что вот сейчас – все. И ты боишься сказать, что и этот раз – последний, потому что он вполне может оказаться таковым.

11.11.95. Страшно за одно, страшно за другое. Только умирать не страшно. Страшно, когда не знаешь, что делать и как будет. А каждому воздастся по его вере... И еще: меня некому простить, потому что никто не считает меня виноватым, а сам себя я не имею права прощать. Недостоин. А стихов по этому поводу нет ни у кого. Пусть я ошибусь еще не раз, но пусть от моих ошибок не будет вреда другим и пользы мне. Пусть... Все будет не так, как было. Все уже есть не так.

О Саше

Когда погаснут звезды, солнца свет
Не просочится больше через душу;
Когда застынет на губах ответ,
И тишину не сможешь ты нарушить;

Когда в разлуке прожиты века
И кажется, что день и ночь похожи —
Там затаилась вечная тоска
И где-то изнутри тихонько гложет...

Находишь ты покой в своих мечтах,
Отдохновение — в его воспоминаньях,
Неровным почерком исписанных листах
И дневнику доверенных признаньях.

Его душевность, смелость, красота,
Его разлуки, радости и планы
Не сбылись... Разорвалась пустота —
И ляжет смерть его глубокой раной

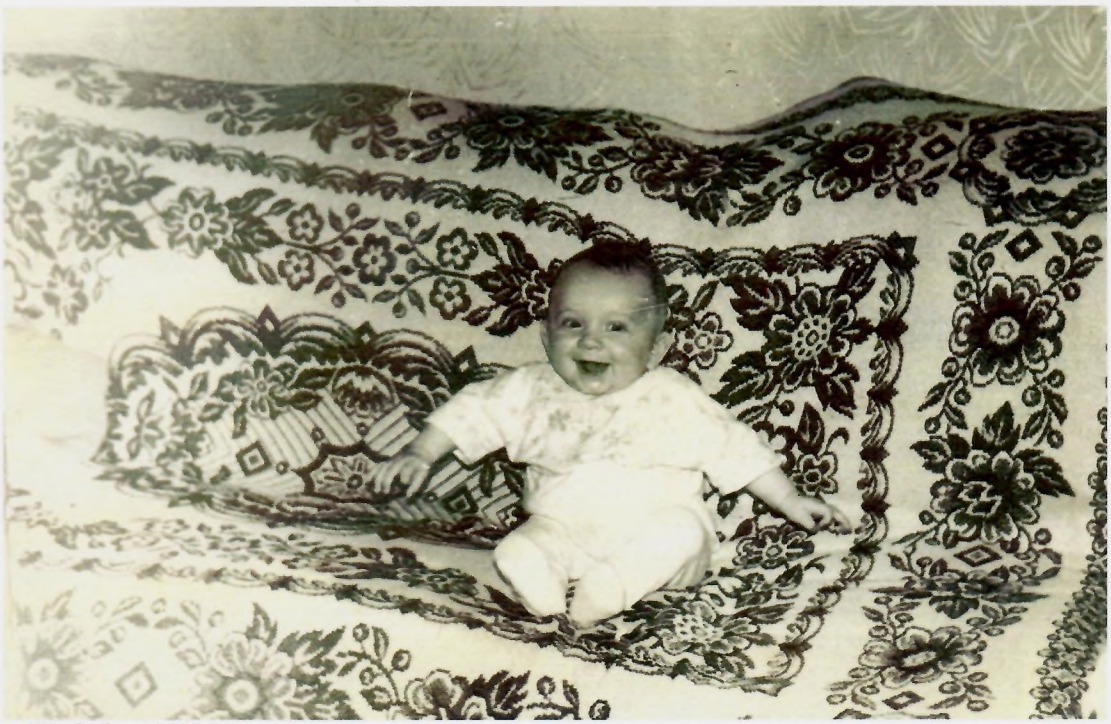
На твое сердце — бременем земным,
И пусть заплачут души о погибшем.
Нам память сохранит его живым —
Столь коротко, но ярко жизнь прожившим!

О.Мироненко

6.07.99.

Если все развивается по спирали, то моя слишком сильно скручена. Как бы не порвалась.

Курск, 1978г.

Зима, 1978г.

Май, 1978г.

Январь, 1979г.

1980г.

1982г.

1980г.

7 ноября, 1984г.

1 сентября, 1984г.

Дома, 1985г.

Парк им.Чкалова, 1981г.

На турнике, 1988г.

«Нет, это не я, это кто-то другой страдает,
Я бы так не могла, а то, что случилось,
Пусть черные сукна покроют,
И пусть унесут фонари... Ночь.

А.АХМАТОВА

Наш Саша !

П.А.Абраимова

Как трудно собраться с силами и рассказать о тебе, родной!

Когда я проговаривала какую-то ситуацию, связанную с тобой, ты всегда говорил: «Странно, вроде и похоже и — нет!»

У меня столько эмоций, чувств, что рассказы о Саше, услышанные от меня, ему самому казались необъективными.

Маленький философ — в раннем детстве; вдумчивый, рассудительный — в младшей школе; умный, благородный — в старших классах; надежный, трудолюбивый, увлеченный, ищущий совершенства во всем — в юности.

Кажется, что можно успеть в жизни за неполные 24 года?

А он жил настолько насыщенно и с такой духовной наполненностью, что, кажется,— прожил очень долгую жизнь.

Он спешил жить всегда...

Саше нет и трех месяцев. Курск. Мы возвращаемся от врача, он в коляске — пытается сесть! Коляска подпрыгивает на бугорке, он хватается ручонками за протянутые погремушки и ... садится со счастливой улыбкой. Рядом старушка, все видит, крестится: «Да сколько же ему? Еще нельзя, рано!»

Девять месяцев — ходит, семь месяцев — первое слово: «Папа!» Показывает на фотографию отца, радуется (Папа еще доучивается в Харькове, а мы с Сашей в первый год его жизни — у моих родителей, в Курске).

Три года — Саша начал читать. В семь лет в нашей семье Сашу считают взрослым человеком: у него появилась сестра. Нас, своих родителей, он наставлял, что ему нужен еще брат и еще сестра, чтобы парами дружили. Но вскоре от этой мысли он отказался. Дело в том, что в Сашины обязанности входила покупка молочных продуктов: по две бутылки молока и кефира каждый день. Принести все это надо было из магазина за две остановки от дома. К середине лета он сказал: «Наверное, не надо больше братика и сестричку, я посчитал, что не донесу столько бутылок!» (Если для одной сестры нужно столько, то прибавил еще!..)

Т.е. ответственность за свои слова и обязанности присутствовала у него всегда. Иногда я доверяла ему присмотреть за коляской с дочкой. Он рассказывал, что приснился страшный сон: будто коляска укатилась под гору, и он не мог ее поймать.

Нельзя сказать, что Саша всегда ладил с сестричкой, но к его совершеннолетию они стали настоящими друзьями. А наша Валюша призналась: что всем хорошим в себе она обязана своему брату.

Чтение — страсть, которую нельзя было в Саше преодолеть.

Прихожу с работы. Саша уже часа два как дома. В школьной форме, снятой наполовину, стоит на коленях перед кроватью, читает, не может оторваться. В разных комнатах у него открытые книги, которые читались одновременно. Как ни странно, но, по его словам, любовь к книгам ему привил мой брат, его крестный, а не мама-библиотекарь.

Саше никогда не было скучно одному. Он всегда находил себе дело и с увлечением им занимался. Рисунки, макраме, выжигание, попытки сделать женские украшения: колечки из «кованой» проволоки, бусы, серьги из дерева. Серьги были очень хороши, я их носила.

Делать что-то очень хорошо — самое большое для него удовольствие. Если он сам мог сделать что-то лучше других, то никому не поручал это сделать:

«встроить» молнию в брюки — мое дело, а пошить чехол для гладильной доски или для своего велосипеда — за это он брался сам.

Кажется, во всех жизненных ситуациях Саша знал, что нужно делать. Это было в детстве, это оставалось в юности.

Сестричка плохо ела. Я раздражаюсь из-за этого. Саша: «Мама, переключи ее на что-нибудь другое, не заставляй есть!» (9 лет)

А уже взрослый: — «Что же делать, Саша, с Валей? Просит отпустить ее учиться в Киев». — «Отпускайте, ей можно доверять. А вы с папой готовьтесь к новой жизни. Мы уже взрослые, вы не можете всегда жить только нами, учитесь строить и свою собственную жизнь, не ставя своих детей во главу угла».

Доверить Саше свои тревоги, сомнения совершенно безопасно. Он выслушает, выскажет свой взгляд, не осудит. И от этого ты становишься увереннее.

Никогда я не могла понять: кто ему не нравится из его одноклассников, учителей, преподавателей или просто знакомых. Очень скупо о ком-либо рассказывал, только если была особая причина.

А плохое о ком-то не любил слушать, сразу скажет: «А ты ей самой это пыталась сказать?»

Над собой Саша работал постоянно. Я не говорю о том, что прилежно учился. Он «цеплялся» за какой-то свой недостаток и работал, пока не получит нужных результатов.

Подростком он был довольно неуклюж. Подтягивание на турнике — 0. Шуток (обидных) он слышал в свой адрес множество. Просит папу сделать турник в дверном проеме своей комнаты. Сколько раз он входил и выходил из комнаты, столько раз он и подтягивался. И так много лет, даже уже с поджатыми ногами, когда рост не позволял это делать иначе.

В конце концов, он увлекся альпинизмом. Сконструировал специальный тренажер и уже взрослым подтягивался на пальцах рук.

Спорт — это и необходимость, и увлечение. Причем он пробовал себя во многих видах: несколько лет плавание, гребля на каноэ, спортивный велосипед,

стрельба (оружие — одно из увлечений, несмотря на очень плохое зрение), альпинизм, «дикий» туризм.

Из-за своей малоподвижной и очень напряженной работы — компьютерщик — старался больше ходить пешком.

Быстрой, легкой походкой проходит через наш огромный двор, зашел в подъезд, всегда (даже с грузом) без лифта — на седьмой этаж, и уже слышен поворот ключа: «А вот и я!»

Его серьезность составляла резкий контраст с умением шутить, смеяться. В нашей семье никто так не смеется, как это делал Саша: звонко, заразительно, искренне!

Он очень ценил тонкий юмор, удачную шутку, уместные остроты. Мне кажется, остроты он даже коллекционировал.

Время Саша очень ценил. Он месяцами не заглядывал в телевизор, но мог сутками «сидеть» в компьютере. Выкраивал время на изучение языков. Английский ему был необходим постоянно, к нему добавился японский. Очень интересовался культурой этой страны.

Мне трудно судить о Саше, как о специалисте. Зато я знаю его отношение к преодолению своих ступенек вверх.

Школу он закончил с золотой медалью, но забирать медаль не пошел. Шутил: «Буду говорить своим детям, что принципиально не забрал, считая себя недостойным». На самом деле мешали разные обстоятельства, а потом махнул рукой. Но доля правды в этой шутке была.

По окончании университета ему рекомендовали поступать в аспирантуру, да и на наш родительский взгляд Саша по природе своей — ученый. Но у него свои аргументы нашлись: «Надо уйти в тему полностью, я не смогу, да и экономическая ситуация не та».

Английский у него — на приличном уровне. Диплом защищал на английском, получил дополнительную квалификацию переводчика технических текстов.

В библиотеке, по существу, он работал не по специальности, «прописанной» в дипломе. Осваивал работу сам с большим интересом и очень быстро. Официально Саша был принят на работу 3.06.1998 года, после

четвертого курса. Проработал 2,5 года. Сам оценивал свою работу как «не очень». А мы все и сейчас, через три года с того времени, как его нет с нами, живем его идеями, его наработками и не успеваем все реализовать.

В нем была заложена огромная энергетическая сила, которая помогала двигаться всем, кто был с ним рядом.

Работа в библиотеке: командировки в Киев, Харьков, Донецк, Кировоград, реализация проектов по компьютеризации, обучение персонала библиотеки, подработка еще в двух фирмах. Если оставались силы и кто-то очень просил — ученики, еще дома — сестра-школьница, выпускница, и родители настаивают, чтобы подтянул ее по математике.

Общение с друзьями: поездки в Крым окрыляли его. Сашины фотографии природы Крыма, рассказы о море, о людях были наполнены чувством счастливого упоения! Зимние горы Карпат, встреча с друзьями Нового 2000 года в Карпатах!

Семейные хлопоты: строительство нашего дачного дома: участие в укреплении фундамента, благоустройстве двора; уже поздней осенью, когда замерзала вода в ведре, жил в сарайчике, чтобы контролировать работу по монтажу крыши дома.

Перекопка земли на дачном участке — за Сашей, ремонт в квартире: свои идеи ему приходилось самому и реализовывать.

И при этом грустное признание: «Мама, я такой должник перед нашей семьей!»

Ранним утром — подъем, зарядка на улице, душ, завтрак, работа... А между работой — своя, личная жизнь, увлечения, любовь...

И снова поздний вечер, не можем дождаться, чтобы перекинуться несколькими словами.

26 декабря мы поздравили его с получением водительских прав. За руль нашей машины он так и не сел, не успел...

Зато успел поздравить многих с наступающим 2001 годом! Попробовать снимать на видео, встретиться со старыми друзьями и познакомиться с новыми.

Успел заронить чувство, что он продолжает всех нас тянуть к высокому, к свету, к радости!

Конечно, о Саше рассказать невозможно объективно. У каждого — свой Саша.

Чтобы его лучше понять, надо читать его дневники, записи в ежедневниках, в рабочих тетрадях, на полях конспектов лекций, смотреть его рисунки, видеть его фотографии.

Свой дневник Саша вел с 14-ти лет и почти до последнего дня своей жизни.

Кто может знать, что было бы, если бы... Ведь он так спешил жить: учился, работал, дружил, любил...

Что теперь я могу сделать для него? Благодарить Господа за то, что дал мне счастье быть матерью. По-прежнему любить, советоваться, просить помощи у своего сына, своими молитвами стараться поддержать его:

Христе Иисусе, Господи и Вседержителю!

В сокрушении сердца, паче на безмерное Твое милосердие уповающе, молюся Ти: упокой, Господи, душу усопшего чада моего Александра в Небесном Царствии Твоем. Потщися, услыши мя, Боже мой! Объятия Отчии отверзи в тяжких мучениях скончавшемуся, убиенному, волнами поглощенному и радость Твою вечную подаждь ему за скорбь кончины. Да благословит страданий своих время, яко искупления день. Согрей Твоею таинственною отрадою раба Твоего Александра поемлемого суть могилою во светлой юности, яко на земли терновый венец страданий приял и радости земныя не узрел. Воздаждь ему, Господи, щедротами Твоея безконечныя любове, возвесели милосердием Твоим. Остави, Господи, без покаяния скончавшемуся, покрый благостию Твоею прегрешения неисповеданныя, предстательством Пресвятыя Богородицы и всех святых. Помози, Господи, слезами живых недостающее усопшего восполнити; прими молитвы наши и милостыни, яко воспоминание добродетелей его. Скажи ми, Господи, яко оставил еси грехи рабу Твоему! Мыслю взоры его из мира невещественного. Господи, Избавителю наш, отыми

всяку слезу от очей его, да скорби и воздыхания земные забвению предадятся. Подкрепи чадо мое осиротевшее надеждою встречи в обителях Горних. Да прейдет навеки горького разлучения время. Сподоби ны радостного свидания на Небесех. Сотвори, Господи, да вси едино будем с Тобою.

Иисусе, Любы Неизреченныя, да будет нам праздником Пасхи живот Вечный. Тем же и аз, грешная, взирая на смерть, яко на стезю в Вечной жизни, воззову: Господи Иисусе, Жертво за нас неизреченная, да будет радость чада моего о Тебе преисполненная и всесовершенная. Яко Ты еси Воскресение, и Живот и Покой усопшего раба Твоего Александра, Христе Боже наш, и Тебе славу возсылаю со безначальным Твоим Отцем, и Пресвятым, и Благим, и Животворящим Твоим Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

12 апреля, 1984г.

1 сентября, 2000г.

С сестрой, 1986г.

С сестрой на даче. Осень 2000г.

Курская область, с.Некрасово, 2000г.

Курск, 2000г.

Яко искусил ны еси, Боже, разжегл ны еси, яко разжизается сребро. Ввел ны еси в сеть, положил еси скорби на хребте нашем. Возвел еси человеки на главы наша, проидохом сквозе огнь и воду, и извел еси ны в покой (Пс. 65: 10-12).

Свет возсия праведнику, и правым сердцем веселие (Пс. 96: 11).

Саше

Под твои деревья снеговые
Я приду минувшему вослед,
Вдруг поверив искренне впервые,
Что печали в этом мире нет.

И склонясь над темною водою,
Не скорбя, не помня ничего,
Стану просто ивой золотою
У черты бессмертья твоего.

И. Груба

24.01.03 г.

...Но тяжело уже не будет; все, что могло быть, уже прошло, а впереди – только легкое, красивое и хорошее. Оно обязательно впереди, и ничто не мешает тому, что есть сейчас. Это прекрасно.

Биография.

Абраимов Александр Владимирович родился 12 апреля 1977 года в г.Харькове. Первый год своей жизни провел вместе с матерью, Татьяной Александровной, в г.Курске, в семье её родителей. После окончания его отцом, Владимиром Фёдоровичем, обучения в Харьковском институте коммунального строительства, семья переехала в г.Днепропетровск, куда в 1976 году была распределена на работу в Днепропетровскую областную универсальную научную библиотеку Татьяна Александровна.

В 1984 году в семье появилась дочь Валентина.

С 1984 по 1994 годы Саша учился в средней школе №2. После её успешного окончания поступил в Днепропетровский государственный университет на факультет радиофизики, который окончил в 1999году, по специальности «Радиофизика и электроника», и получил квалификацию радиофизика.

Начал работать в ДОУНБ с 1998 г., будучи студентом, вначале, как партнер, занимаясь обучением персонала библиотеки работе на компьютере. Затем был зачислен на работу в ДОУНБ. Занимался организацией и внедрением компьютерных технологий, продолжал обучение персонала.

В 2000 году возглавил отдел компьютеризации ДОУНБ.

Трагически погиб 2 января 2001 года.

Содержание:

От составителей.....3
А. Ахматова. «Сероглазый король».....4
«Сегодня Саше девять дней...».....5
Д. Тененбаум. «Было сказано девушкой с грустным лицом...».....8
П. Флоренский. Философия имени.....9
Н.Н.Титова. «Такую короткую, но такую яркую жизнь...».....11
Из дневников. «Если говорить по существу...».....13
А.Я.Крупий. «Компьютерный отдел...».....16
Из дневников. «В словах нет правды...».....18
А.В.Лысенко. О Саше.....19
Из дневников. Отрывки из обрывков.....23
Л.В.Шевченко. Саша, Сашенька!.....26
Из дневников. «Надо писать, надо говорить...».....28
Отдел библиографии. «Полюда без Саши...».....31
Из дневников. «Лучше запланировать - и ничего не иметь...».....32
Отдел компьютеризации. «Серьезное лицо, ясный взгляд...».....35
Из дневников. «Каждый день, прожитый человеком...».....36
Отдел бухгалтерии. «Наш маленький коллектив бухгалтерии...».....38
Из дневников. «Итак, продолжим...».....39
Н.Г.Литвиненко. «Чем дальше уходит от нас тот страшный день...».....42
Из дневников. «Человеку нужно самоутверждаться...».....43
Отдел искусств. «Трудно писать о юноше, который ушел в вечность...».....45
Из дневников. «Эстетическая грусть...».....47
«Нет сил писать и говорить...».....49
Из дневников. «Кратко излагать не умею...».....51
Е.Г.Захарова. «Я очень хорошо помню Сашу...».....53
Из дневников. «Когда плохое (более-менее) настроение...».....54
З.Н.Рыжкова. Памяти Саши Абраимова.....57
Из дневников. «Случается, что в голову приходят мысли...».....58
Л.З.Гортиняк. Память сердца.....60
Из дневников. «Меня расчесывает ветер...».....61

А.В.Прокофьева. «Говорить о Саше в прошедшем времени очень тяжело...»...62
Г.И.Дидовец. «С любовью и уважением я относилась к Саше...»....63
Из дневников. «Когда один ученик спросил учителя...»....65
И.Груба. «Вечерами тревожно и душно...»....66
Из дневников. «Сейчас мне просто грустно...»....67
Н.И.Вакуленко. «Вот уже полгода нет с нами Саши...»....69
Т.Н.Мищенко. Светлой памяти Саши....70
Из дневников. Толковый словарь бестолковщины....71
Ода. (На рождение Алексея)....74
Отдел МБА. Памяти Саши Абраимова....76
Из дневников. «Иные праздники заслуживают отдельного большого рассказа...»....81
Мой полуостров. (Серия фотографий)....82
И.И.Бакум. «...Есть люди, пообщавшись с которыми однажды...»....91
Г.Н.Анафонова. «Непростое это дело — писать о человеке...»....91
Е.И.Погореловская. «Вот уже два года, как нет Саши...»....92
Из дневников. «Когда приходит осень...»....93
Поэтические опыты:....95
«Лицо в окне — в окне пустого дома...»....96
«Отличный плюс для дня рожденья...»....98
«Красив лицом и телом строен...»....98
«Как все это было давно...»....99
«Открытый люк на тротуаре...»....100
«Кто мог подумать, что так станет...»....101
«Четыре косточки от сливы...»....102
«Вот стоит — чуть качается...»....103
«Ласточка, нахохлившись, сидит на мокрой ветке...»....104
«Ты бредешь в никуда, головою поник...»....105
«Вот пришел Новый год. Я на стуле сижу...»....106
«А иногда бывает — мы умираем...»....107
«Идешь ли утром к остановке...»....108
«Две чашки — с чаем и вареньем...»....109
«Ортогональный мотив, гексагональный сюжет...»....111

«Открыть бы окошко да плечи расправить...» 112
«Нет чувств глубоких и в помине...» 113
Я — танцующий на дороге 114
Из дневников. «...Мы сегодня слушали о Блоке...» 116
Л.Г.Гурай. Белый сон 117
Из дневников. «Скоро, очень скоро должен закончиться этот мой дневник...» 121
О.Мироненко. «Когда потухнут звезды, солнца свет...» 122
Из дневников. «Если все развивается по спирали...» 123
Т.А.Абраимова. Наш Саша! 130
Псалмы 141
И.Груба. «Под твои деревья снеговые...» 142
Из дневников. «...Но тяжело уже не будет...» 143
Биография 144

Сборник посвящен памяти Александра Владимировича Абраимова (12.04.1977. – 2.01.2001.), заведующего отделом компьютеризации Днепропетровской областной универсальной научной библиотеки. Замечательная одаренность сочеталась в нем с такими душевными качествами, как скромность, рассудительность, отзывчивость, стремление помочь всем, нуждающимся в поддержке и совете. Память о Саше навсегда останется в каждом сердце.

И все же эта яркая и талантливая личность во многом остается для нас terra incognito. Чтобы лучше понять, «как он жил, как он верил», - необходимо заглянуть в личные архивы. Теперь такая возможность предоставлена всем, кто вдумчиво и с любовью подойдет к данному изданию.

Сборник включает в себя воспоминания людей, работавших с Сашей в ДОУНБ, выдержки из его дневников и записных книжек, а также обширный графический материал и фотоархив.

Благодарим всех, кто оказал посильную помощь в работе над сборником.

Саша...: Сб. воспоминаний и документов / Сост. Т. Абраимова, И.Груба. – Днепропетровск: ДОУНБ, 2004. – 151с.

Составители — Татьяна Абраимова, Ирина Груба
Редактор — Елена Плотникова
Разработка оригинал-макета — Анна Крупий, Галина Макаревич

Фото- и иллюстративные материалы – из личного архива Александра Абраимова.

Подписано к печати: 6.01.2004.
Формат: 190×240мм
Тираж: 100 экз.
Печать – редакционно-издательский центр ДОУНБ
г. Днепропетровск, ул. Ю.Савченко, 10